

Мой желанный враг

Автор:

Лена Сокол

Мой желанный враг

Лена Сокол

Young Adult. Инстахит. Романтика Лены Сокол

Полина не искала роскошной жизни. Все, чего она хотела, – спасти свою мать, умирающую от рака. Но за все надо платить. Особенно за помощь влиятельных людей.

Виктор – отличный парень и прекрасный муж, но его друг Марк...

Полина не может игнорировать свои чувства к жестокому, хладнокровному, хищному Марку.

При каждой их встрече она трепещет от страха и желания одновременно. Это тяга на грани сумасшествия.

Что победит: здравый смысл или животный инстинкт?

Лена Сокол

Мой желанный враг

© Сокол Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Плейлист

Glass Animals – Heat Waves

Nickelback – How You Remind Me

Duncan Laurence – Arcade

BANKS – Beggin For Thread

Astrid S – Hurts So Good

Fleurie – Love And War

John Newman – Love Me Again

Sofia Karlberg – Toxic

Bahari – Bipolar

Rosenfeld – I Want You

Imagine Dragons – Wrecked

Sam Smith – Fire On Fire

Normani ft. Cardi B – Wild Side

Royal Deluxe – I’m A Wanted Man

Maroon 5 – Lost

Я помню, как плакал мой малыш, когда его забирали у меня. Помню жестокие руки, что отняли моего сына. Руки человека, которого я когда-то безумно любила и исступленно ненавидела. Руки Марка Загорского.

В тот дождливый вечер люди Загорского выпустили в нас с мужем девять пуль, но, к их беде, я выжила. Похоронив воспоминания обо мне, Марк наслаждается новой спокойной жизнью в моем доме. Но ему осталось недолго, ведь я

воскресла и вернусь, чтобы забрать свое.

Пролог

Полина

– Завтра уже будем дома, мой хороший. – Я провожу пальцами по его головке, по мягким светлым волосам на макушке, и мое лицо невольно озаряется счастливой улыбкой.

Младенец сладко причмокивает во сне, и я, любуясь им, думаю о том, что теперь все будет по-другому.

Сын. Мой сын...

Мне до сих пор не верится, что это произошло. Что я уже несколько дней мама. Мама! И рядом со мной на кровати сопит мое самое главное сокровище в жизни. Человек, которому я подарю всю свою любовь.

– Ты такой красивый, – шепчу я ему, – с ума можно сойти.

Мне кажется, что во мне так много чувств, что ими можно затопить целый город. Нет, всю Вселенную. Эмоции переполняют меня и хлещут через край, сердце колотится и вырывается из груди. Я сама – одно большое сердце, легкое, как воздушный шарик, готовое улететь в небеса.

Подношу палец к его ладошке, и малыш инстинктивно обхватывает его во сне. У него маленькие ровные пальчики и тонкие ноготочки. Все хрупкое, точно игрушечное, но он держит меня так крепко, словно боится потерять. И я ощущаю его силу.

Мой сын больше не в моем животе, он здесь – рядом со мной. Но я все еще чувствую, что мы – единое, неделимое целое. У нас на двоих одни мысли, одни чувства, одно дыхание. Он – частичка меня.

– Ты так похож на папу, – хрипло произношу я.

И мои дрожащие ресницы снова застилают слезы. Мне не верится, что природа могла произвести столь совершенное создание. Он великолепен, и мне хочется рыдать от осознания того, что это я смогла подарить ему жизнь.

Вечером в нашу палату стучится медсестра и зовет меня на осмотр.

– Я думала, что утром посмотрят, – говорю я, поднимаясь с кровати и поправляя больничную ночную рубашку.

– Доктор заступила на смену и решила провести осмотр, – бросает на меня уставший взгляд девушка. – Вы же сами просили выписать вас пораньше, разве нет?

– Да-да, – я надеваю тапочки. – А как же... – Смотрю на спящего в прозрачном кювезе Ярослава.

– Он же спит, – глядит на меня как на дурную медик.

– Я так не могу, – признаюсь я.

Все эти ночи у меня не получалось полноценно спать из-за того, что я слушала дыхание сына. Специально прикатила к своей кровати этот кювез и по десять раз за ночь вставала: проверяла его, поправляла валики из пеленок, которые подкладывала ему под спинку, чтобы он удобно лежал на боку.

Я не знала, как называется эта сумасшедшая штука, которую ученые зовут простым словом «инстинкт». Для меня это было какое-то дикое чувство ответственности, важности и заикленности на человеке, почти на грани безумия: я ни на секунду не хотела отходить от своего дитя.

– Да вы же быстро, – пожимает плечами девчонка в белом халате.

Да что она понимает? Молодая еще, сопливая! Я и сама немногим старше, но уже знаю, каково это: выносить ребенка, родить его в муках, а затем ощущать, будто ты пришта к нему невидимыми нитями.

– Может, вы останетесь с ним? – мнусь я, вцепляясь пальцами в край кювеза.

– Господи... – закатывает глаза медсестричка. – Да отнесите вы его в детскую комнату!

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Видела я эту детскую комнату. И воспоминания не навевали ничего хорошего. Десятки малышей в прозрачных кювезах, стоящих в ряд у стены. Все туго запеленатые, кричащие наперебой и оставленные без присмотра. Когда я пришла в себя после родов, первым делом встала и, покачиваясь, направилась искать своего сына. Нашла в конце отделения, в этой комнатке, куда посторонним вход воспрещен.

Пришлось долго жать на звонок и слушать, как надрываются младенцы там, за дверью. Мне открыла хмурая женщина в белом халате, спросила, из какой я палаты, велела отправляться обратно и захлопнула дверь прямо перед моим носом. Все, что я успела заметить, это кровати с новорожденными за стеклом, в конце этой комнаты.

Наверное, мне нужно было позвонить и пожаловаться мужу на здешние порядки, ведь он же платил им деньги за сервис и соответствующее отношение, но, подумав, что все это делается работниками клиники из соображений безопасности, я решила не скандалить.

Тем более что женщина тут же появилась из-за двери – уже с моим Ярославом на руках. Она проводила меня обратно и вручила сына. С тех пор и до этого момента мы с ним не разлучались ни на минуту.

И вот я снова иду в детскую комнату и вручаю медикам своего сына. Уже другая работница деловито подхватывает его и захлопывает передо мной дверь. Я бреду в смотровую, прокручивая в голове все виды опасностей, которые могут

грозить Ярославу: от того, что его уронят или застудят, до того, что оставят без присмотра, и он срыгнет и подавится.

И откуда только во мне эти мысли? Похоже, я действительно становлюсь сумасшедшей.

– Добрый вечер, Полина. Проходите, – улыбается доктор.

Ее помощница стелет на кресло одноразовую пеленку.

– Здравствуйте, – улыбаюсь я.

Все мои мысли там – с сыном.

– Как себя чувствуете? – интересуется она.

– На удивление, замечательно, – признаюсь я, снимая белье. Устраиваюсь на кресле. – Еще позавчера ощущение было такое, будто по мне проехался танк.

– Так бывает всегда, – смеется она, приступая к осмотру.

Трогает грудь, мнет живот, затем щупает меня изнутри.

– Угу, угу, – бормочет доктор, не обнаружив сгустков или чего-то подозрительного. – Ну, все хорошо. Завтра утром ребенка осмотрит врач, и поедете домой.

Она вежливо улыбается.

– А может, сегодня можно? – спрашиваю я, опуская вниз ноги. – Я бы позвонила мужу... Раз уж все хорошо, как вы сказали.

Врач переглядывается со своей ассистенткой.

– Ну, хорошо, – сдается она. – Только вы должны обещать мне, Полина, что если почувствуете себя плохо, если вдруг поднимется температура или усилится

кровотечение, то вы сразу вернетесь сюда.

– Конечно! – радуюсь я.

– И позвоните мне на днях. Как раз придут результаты исследований.

Все что угодно, лишь бы не сидеть дольше в четырех стенах.

– Тогда я сейчас запишу для вас свои рекомендации, – говорит женщина, снимая перчатки.

Я уже не слышу ее, все мои мысли рядом с сыном.

Забрав его из детской комнаты, торопливо направляюсь в палату. Кладу кряхтящий комочек в кювет, достаю из-под подушки телефон и спешно набираю мужа.

– Да! – радостно восклицает он.

– Привет, Вик, я так рада, что ты ответил!

Слышно его шумное дыхание. Очевидно, он куда-то идет.

– Я только прилетел, еще в аэропорту. Как вы там?

– Родной, нас отпускают пораньше. Может, заберешь по пути?

– Правда? – едва не задыхается он от счастья.

– Да, я уже собираю сумку, приезжай.

– Уже сажусь в машину, – говорит он. Слышно, как хлопает дверца автомобиля. – Не могу поверить, что мы сейчас увидимся.

Бросаю в сумку свою одежду и косметику. Напоследок оставляю памперсы и средства гигиены для малыша: они пригодятся для последнего переодевания.

– А я не могу поверить, что наконец-то окажусь дома, – выдыхаю я.

Тут хоть и сервис: отдельная палата, питание, телевизор, душ и прочее, но все равно все какое-то чужое, холодное. К тому же я устала, и мне больше не хочется видеть посторонних. Нам с малышом нужен покой.

– Потерпи, любимая, я уже лечу, – обещает Виктор. – Скоро мы будем вместе.

Он знает, как я ненавижу больницы.

– Жду, – говорю я и целую телефон на прощание.

Ярослав, не дожидаясь, пока я закончу сборы, открывает глаза и всхлипывает. Первое же движение собственными ручками и ножками пугает его настолько, что он заходится отчаянным криком.

– Я здесь, сладкий, – умиляюсь я.

Протягиваю руки, беру сына и прижимаю к себе. Он еще совсем кроха, поэтому я помогаю ему найти грудь. Когда малыш начинает сосать, меня вновь захлестывает какое-то необъяснимое чувство. Его запах, его голос, тепло и бархат его кожи – это самое волшебное из всего, что мне раньше приходилось ощущать.

Ярослав ест и, кажется, смотрит на меня. Я понимаю, что в этом возрасте он не может видеть меня четко, но для него сейчас самое главное – быть со мной рядом, ощущать тепло моей кожи, уют и безопасность. Я сажусь на кровать и долго наблюдаю за тем, как он старается. И меня распирает от гордости. Вот он – мой малыш. Мое будущее. Я покажу тебе весь мир, дам защиту от всех невзгод. Я всегда буду рядом, сынок.

Через полчаса я кладу ребенка на столик, меняю подгузник и надеваю на него белое боди с длинным рукавом и милую белую шапочку. Ярик похож в ней на гномика, и поэтому я улыбаюсь. Заворачиваю его в одеяльце с вышивкой,

которое подарила мама, и начинаю ходить из угла в угол, покачивая малыша на руках.

Мы ждем выписку. Для Виктора это простая формальность, бумажка. Если захочет, он заберет меня отсюда без всяких документов, стоит только захотеть. Но я еще не привыкла к тому, что деньги решают все, и мое воспитание не позволяет мне поторопить медработников. Я говорю мужу, что собираюсь, и он упрямо ждет нас в холле.

И вот заветная бумага у меня на руках. Я передаю сына сотруднице клиники, быстро переодеваюсь в брюки и кофту, которые теперь слишком широки мне, и мы вместе выходим из отделения и спускаемся вниз.

Мое сердце колотится как бешеное.

Я ужасно волнуюсь, когда вижу мужа. Он в белой рубашке и строгих брюках – только что из деловой поездки. На его лице проглядывает щетина, а глаза сияют от счастья. В руках огромный букет красных роз. Виктор целует меня, протягивает цветы, и сотрудница клиники торжественно вручает ему сопящий сверток.

Я прижимаю цветы к груди и с волнением наблюдаю за тем, как муж рассматривает нашего сына. На его лице не отражаются эмоции, поэтому меня начинает слегка лихорадить. Кажется, Вик в шоке, и ему трудно дышать.

У меня кружится голова, и я прикусываю щеку изнутри, чтобы не потерять равновесия. В этот самый момент супруг поднимает на меня взгляд, полный слез, и дрожащим голосом говорит:

– Он прекрасен. – Трясет головой, снова смотрит на сына и бормочет: – Прекрасен, господи, он – копия ты, Полин.

Я прерывисто выдыхаю и поправляю уголок одеяла с вышивкой. Прислоняюсь к плечу Виктора и закрываю глаза. Теперь мы вдвоем, и пусть так будет всегда. Больше нам никто не нужен. Я уговорю мужа уехать из этого города, и все останется позади.

– Домой? – спрашивает Вик, целуя меня в макушку.

– Домой, – киваю я.

Охранник открывает перед нами дверь, и мы спешим к большому черному седану, припаркованному прямо у входа. С неба накрапывает дождь.

Через полминуты мы отъезжаем от здания клиники. Ярослав спит в люльке, установленной на заднем сиденье. Рядом мы с Виком, по обе стороны от него. Муж не может оторвать взгляда от сына: сидит, склонившись над ним, и улыбается, разглядывая его черты. А я медленно погружаю нос в шикарный букет и глубоко вдыхаю аромат роз. Нежные лепестки приятно щекочут лицо.

– Ты все уладил? – спрашиваю я, выныривая из сладкого запаха цветов.

– Кажется, да, – с сомнением отвечает муж. Он тянется и берет меня за руку. – В любом случае, я уже сказал Марку, что категорически против сделки с испанцами. Они – опасные люди и могут оставить нас ни с чем. Лучше не рисковать и остаться при своем.

– Когда ты сказал ему? – осторожно интересуюсь я.

Вик поглаживает мою руку.

– Вчера.

– И что он?

Муж нервно рассмеялся.

– Рвал и метал. Он считает меня безумцем, Полин. – Виктор печально усмехается и трясет головой. – Да как обычно. Но мне плевать, что он обо мне думает. Главное – это вы с сыном.

– Марк грезит о богатстве, и он не отступится, – встревоженно говорю я.

– Это наше общее дело, и такие серьезные вопросы решаем мы оба, поэтому Марку придется со мной считаться, – твердо говорит Вик.

– Конечно, – я прячу взгляд.

Мы оба знаем, что Марк не смирится. Он чертов псих, готовый пойти на все, чтобы осуществить задуманное и получить то, что, как он считает, ему принадлежит. А мы для него как кость в горле – единственные, кто мешает единолично управлять капиталами фирмы. И это меня пугает.

– Я все улажу, ты не должна об этом переживать, – успокаивает муж.

Я сжимаю его ладонь.

«Если бы ты только знал, Вик... если бы знал...»

В лобовое стекло машины с треском и шумом бьет дождь. Настоящий ливень. Похоже, погода не слишком рада нашему возвращению.

– Ты устала? – скорее утверждает Виктор, чем спрашивает.

– Немного.

– Приедем, и я сделаю тебе ванну. – Его рука перемещается выше и касается моей щеки. Вик гладит мое лицо, и я закрываю глаза. – Спасибо за этот подарок, Полин. Не знаю, чем заслужил его. И тебя.

Мне не хочется размыкать век. Пусть этот момент останется на паузе, мне в нем так хорошо.

Наше молчание прерывает охранник, сидящий на пассажирском сиденье справа от водителя:

– Через минуту будем на месте, Виктор Андреевич!

– Отлично, – отвечает муж, пытаясь рассмотреть хоть что-то за темными стеклами автомобиля.

В эту секунду мои мысли переносятся к детской комнате, которую я оформляла для Ярослава собственными руками. Я представляю, как положу его в кроватку цвета слоновой кости, сяду рядом и буду любоваться тем, как сладко он спит.

– Что это? – успевает произнести водитель, вглядываясь в темное пятно на дороге. И тут же мы слышим какой-то странный глухой звук.

«Тыц, тыц».

Все происходит слишком быстро, поэтому я не успеваю понять, что это было. Перед глазами проносится картина: водителя словно пришивает чем-то к креслу. Он дергается и падает головой на руль. Автомобиль начинает швырять по дороге, затем заносит в сторону обочины, туда, где обрыв, несколько раз переворачивает, а потом... наступает тишина.

Это происходит в считанные секунды, но перед глазами проносится вся моя жизнь. Я инстинктивно вцепляюсь в люльку, но машину швыряет и дважды переворачивает. Уши закладывает криком, и я не сразу понимаю, что это мой собственный голос. Я кричу.

Наконец автомобиль замирает в каком-то странном положении: нас шатает, будто мы на корабле. Я не чувствую боли, ведь все мое внимание приковано к ребенку: тот сучит ножками и заходится в истошном крике.

– Оставайтесь в машине! – кричит нам охранник.

Он достает оружие, открывает дверцу и с трудом выбирается наружу.

– Как вы? – ощупывает нас Вик.

– Помоги достать его, – бормочу я. Мои пальцы дрожат. – Я хочу взять его на руки.

Тянусь к Ярославу, и в этот момент снова слышу с улицы эти странные звуки. Глухие, отрывистые. Звуки выстрелов. Мое сознание подсказывает, что нужно бежать. За рулем – мертвый водитель в неестественной позе, на лобовом стекле – следы от пуль, там, рядом с машиной, кто-то стреляет... «Он пришел убить нас, как и обещал!» – наконец понимаю я.

Автомобиль накрывается сильнее, но Вик уверенно говорит:

– Все будет хорошо.

И в этот момент я понимаю, что хорошо уже ничего не будет. Потому что дверь с его стороны открывается, и снова раздаются эти хлопки. Тупое черное рыло пистолета выплевывает в моего мужа три пули: две в сердце, одну в лоб. Даже умирая, Вик пытается закрыть нас своим телом. Но я уже чувствую это: один удар приходится мне в грудь, он с силой гвоздит меня к сиденью, и второй – в лицо, я пытаюсь отвернуться, но меня все равно обдаёт жаром – будто языки пламени лижут лицо.

На какое-то мгновение все звуки стихают, и я слышу только звук прибоя. У меня не получается пошевелиться, не получается вдохнуть воздуха. Сквозь склеенные кровью ресницы я еще вижу, как удаляется от машины темная фигура, слышу крик собственного ребенка и ощущаю запах роз, рассыпанных по сиденью. Что-то горячее и липкое течет по моему лицу, а в груди теснится адская боль, и почему-то не слышатся конечности.

Не понимаю, сколько проходит времени: пара секунд или пара минут, но голоса снаружи вдруг становятся громче, слышится мат. Я заставляю себя пошевелиться, мне нужно взять сына и бежать, пока они не вернулись добить меня, но у меня ничего не получается. Автомобиль скрипит, накрываясь еще сильнее, и мне становится очень страшно.

«Ну же, давай, давай, Полина, вставай!»

– Я сам! – раздается до боли знакомый голос.

И я вижу его руки. Сильные, красивые, которые еще недавно сводили меня с ума.

«Нет, пожалуйста, нет! Не забирай его!» – кричит мое сознание.

Но они подхватывают младенца и вытаскивают из салона автомобиля. Я слышу, как Марк уходит, раздавая указания своим людям, и крик Ярослава удаляется вместе с ним.

Меня разрывает на части от боли, и я из последних сил нащупываю ручку двери. Тяну, и, кажется, дверца поддается. Но в этот момент машина со страшным грохотом срывается вниз, в обрыв. Я лечу вместе с ней, но каким-то образом меня все-таки вышвыривает наружу. Я цепляюсь за сук бедром, ударяюсь головой, плечом и падаю на мокрую землю.

Дождь уже почти прекратился, но грохот падающей машины – нет. Последний яростный толчок, как скрежет консервной банки. Бах! И тишину вечернего леса разрывает мощный взрыв. Небо озаряют всполохи огня. Я вижу только их сквозь пелену кровавой маски на моем лице.

Где-то над головой слышатся голоса подручных Марка. Наверное, он сейчас доволен тем, что избавился от нас. Внизу догорает автомобиль. Я лежу на спине и чувствую, как редкие капли дождя ударяются о мое лицо. Медленно закрываю веки. Это все.

Не знаю, сколько точно проходит времени, прежде чем чьи-то руки подхватывают меня и отрывают от земли.

1

Полина

– Если бы не я, ты бы давно уехала в столицу, – печально произнесла мать.

– На что мне твоя столица, мам? – стараясь держаться бодро, улыбнулась я. Поправила ее подушку и подоткнула одеяло. – Чего я там не видела?

– Там хоть работа есть, а что у нас? Утки за лежащими выносить? Трусами на рынке торговать? Или в «Пятерочку» кассиром пойдешь? Сама знаешь, что с твоим образованием это унижительно. Как дорогую вазу поставить среди стеклотары!

– Ничего унижительного. Работа как работа, – отмахнулась я. – Главное, платят. – Взяла пару таблеток из блистера и подала матери вместе со стаканом воды. – К тому же Нинка меня обещала в гостиницу устроить. Горничной, помнишь?

– Грязь за командированными выметать? – скривилась мама. – Я всегда желала тебе лучшей доли, Полина. Думала, поедешь в столицу, устроишься дизайнером, будешь богачам дома обустраивать. Вдруг один из них на тебя глаз положит да замуж позовет? Смотри, какая ты у меня красивая! Ни чета нашим провинциальным курицам. Стройная, красивая, волосы до задницы, а умная какая!

– Перестань, мам.

– А я теперь все время себя виню, что заболела.

– И вовсе ты не виновата. – Я поставила стакан на столик. – Никто не виноват в том, что к нему приходит болезнь. Ты почти двадцать лет на вредном производстве пахала, мам. Ты этим асбестом дышала, как воздухом, поэтому и заработала себе рак легких. И никто не хочет сейчас за это отвечать. Ну и что, что они молоко тебе за вредность давали! Кому сейчас нужно это молоко? – Я села на край кровати и взяла ее за руку. – Я просто не хочу тебя потерять, мам. Слышишь? Мы будем бороться. До последнего бороться, мам! И не сдадимся. – Я погладила ее сухую ладонь. – И я все это время буду рядом. Не надо мне никаких столиц.

– Он все равно сожрет меня, Полин. Этот рак. Он уже жрет меня, дочь. Ты ведь слышала, что доктор сказал?

– Мне все равно, что он сказал, – отрезала я. – Если есть хоть крошечный шанс, значит, мы должны верить в него.

Я многое утаивала от мамы. И то, что не пошла в магазин «Пятерочку» работать из-за того, что толстяк-директор на собеседовании сначала делал мне недвусмысленные намеки, а потом и вовсе схватил за задницу и прижал к стене. В нашем захолустье каждая дура мечтала о должности менеджера или кассира в этой конторе, и, судя по всему, бедные девочки соглашались на все, чтобы попасть туда, раз он так себя вел.

Этот бессовестный толстяк сыпал проклятиями мне в спину, когда я убегала, расцарапав ему лицо. А потом были и другие попытки устроиться в заведения города, и снова приставания, снова наглые прикосновения и грязные намеки.

Тогда я просто пошла мыть полы в больницу. Ночью тихо выходила из дома, чтобы мать не волновалась, и шла пешком в инфекционку. Возвращалась домой к пяти утра, ложилась и немного спала, затем вставала и бежала в художественную школу, там я преподавала у младших классов. Платили за это сущие копейки, поэтому в свободное время мне приходилось снова искать работу или ухаживать за мамой: я возила ее на автобусе или такси в райцентр, водила под ручку на процедуры или химию, а когда ее клали в стационар, мне приходилось бросать все и оставаться там с ней.

Заработанных денег и маминой пенсии едва хватало на лекарства, поэтому я донашивала свое старое школьное пальто, регулярно штопала единственные колготки и стыдливо прикрывала в общественном транспорте руками потертую сумку, которая служила мне вот уже седьмой год.

Поэтому, когда Нина предложила устроить меня в единственную приличную в городе гостиницу, я ужасно обрадовалась. С такой зарплатой мне, возможно, даже дали бы кредит, и мы с мамой продержались бы еще чуть-чуть.

– Нужно что-то сделать с твоими волосами, – оценивающе оглядела меня Нинка перед первой сменой.

– А что с ними не так? – удивилась я.

– Их слишком много.

– Заплести косу?

– Господи, – закатила Нина глаза. – И откуда ты только такая взялась? Кто в наше время носит волосы до задницы и плетет косы? Нужно современнее быть! Хорошо хоть тут форму дают, иначе никто не пустил бы тебя на смену в твоём линялом платье, бабкиной кофте и с этой дешманской помадой с рынка! Таким раритетом только моя бабушка восьмидесяти лет подкрашивается!

– Это просто... блеск... – я прикоснулась к губам.

– И волосы я бы тебе советовала обрезать.

– Нет! – испугалась я, теребя свои локоны. – Лучше я их заколю шпилькой на затылке.

– Блин, Польша, ну не знаю я, что мне с тобой делать. Научить-то я тебя всему научу, но выглядишь ты... как деревня!

– Вовсе нет, – рассердилась я.

– Как целка деревенская выглядишь! А сюда знаешь, какие мужики приезжают? И директора заводов, и областные начальники – все у нас останавливаются. А если кто из них тебе дополнительно предложит подзаработать? Хотя о чем я... – Она еще раз оглядела меня с головы до ног.

– Что значит «дополнительно»? – уставилась на нее я.

Нинка рассмеялась.

– Официально это, конечно, запрещено, – она выкатила грудь колесом. – Но если мужчина красивый, да деньги неплохие, то почему бы и нет?

Я покраснела, точно спелая помидорина.

– Н-нет... я на такое точно не согласна.

– Полька, ты что, того? – Нина тряхнула меня за плечи. – Ни с кем еще никогда?

– Нет, – честно призналась я. – Никогда.

– А как же Вовчик? Он же твой портфель с пятого класса таскал! И на выпускном с тобой так вальсировал, так вальсировал, что я думала, что вы увальсировали в ту ночь к нему домой и... – Она подмигнула.

– Ничего такого не было, – возмутилась я.

– Но вы же с ним встречались?

– Да.

– И почему расстались?

– Просто мы... слишком разные, – коротко ответила я, решив умолчать о том, что преданный и верный Вовчик не стал дожидаться, когда я созрею до интимных отношений. Он переспал со всеми моими одноклассницами, начиная с Тоньки, к которой пришел, проводив меня с выпускного, и заканчивая Тамаркой, с которой мы вместе учились в вузе и сидели за одной партой. Именно с ней я и застала его, когда прибежала поделиться известием о том, что у мамы нашли рак.

– Ладно, убирай свою косу, надевай форму и будем учиться застилать постели, – приказала Нинка.

И мы с ней весь день упражнялись в уборке номеров, изучали инструкции и стандарты, учились чистить туалеты и комплектовать номера полотенцами и предметами личной гигиены.

– В ночную смену останешься? – спросила Нина, когда мы закончили.

– А можно сбегать домой на пару часов?

– Ну, беги.

Я попыталась накормить маму, но у той, как обычно, не было аппетита, помогла ей помыться, дала лекарства, уложила обратно в постель, а затем снова побежала в гостиницу.

– Держи, – Нинка, как-то странно хихикая, вручила мне ключ и тележку с инвентарем, – приберись в шестьдесят восьмом, оттуда как раз только что выехали.

– Хорошо, – согласилась я. – Там сейчас никого?

– Никого, – кивнула она.

– Ты проконтролируешь результат?

– Да, – заверила девушка. – Зови меня сразу, как закончишь.

И я направилась в номер.

Открыла дверь ключом, вкатила тележку, вошла и закрыла дверь. Напевая себе под нос старую песенку, я прошла в глубь помещения и оглядела фронт работ. Смятая постель, разбросанные вещи, запах табачного дыма. Разве Нина не говорила, что постоялец съехал?

И в этот самый момент где-то справа от меня послышались шаги. Я обернулась и потеряла дар речи. Постоялец не только не съехал, он был в номере и, очевидно, только что принял душ – потому что стоял передо мной абсолютно голый, с взъерошенными волосами и стекающими по смуглой коже каплями воды.

Конечно, я видела раньше голых мужчин. Ну... в фильмах. Но чтобы так близко... и так подробно – никогда. Конечно же, я закричала!

– Девушка! – Он потянул ко мне руки.

Я попятилась назад, налетела на тележку и повалилась на пол.

– Девушка, позвольте вам помочь. – Незнакомец, очевидно, забыл о своей наготе, потому что подошел слишком близко, и перед моими глазами замаячило то, что я раньше видела лишь мельком, и то по телевизору.

– А-а-а! Не приближайтесь ко мне! – зажмурилась я.

И вслепую поползла в сторону двери.

– Девушка!

Но я уже успела подняться на ноги и пулей выскочила в коридор.

Мои щеки пылали, а сердце стучало, точно молот по наковальне. Не помню, как добежала до прачечной и влетела внутрь.

– Что такое? – усмехнулась Нина, бросая в корзину белье.

– Нина, там! Там! – задыхалась я. – Ты это специально, да?

– Ты что, черта лысого увидела? – Подруга подошла ближе и ухватила меня за плечи.

У меня никак не получалось отдышаться.

– Хуже! – Я закрыла ладонями горящие щеки. – Тот мужчина! Он! Я видела его... ну... прибор...

Нинка расхохоталась.

– Ой, а я тебе еще не верила! – сгибаясь пополам от смеха, похрюкивала она. – Думала, цену себе набиваешь, а ты реально члена живого никогда в глаза не

видала!

– Как смешно. – Я гордо вздернула подбородок и отвернулась. – Значит, ты специально меня к нему послала? Посмеяться хотела?

– Да я не поэтому. – Нина подошла и погладила меня по плечу. – Этот мужик – какой-то предприниматель столичный. Девочки слышали, что он приехал важную сделку заключать. Сказали, что, как ни улыбались ему, на них даже не взглянул. Я подумала, а вдруг ты ему приглянешься?

– Нин, – обернулась я, – да я даже лица его не помню! У меня перед глазами только этот его... стоит.

– Он что, тебя прямо голый встретил?

– Да! Он, видно, только из душа вышел, а тут я со своей телегой!

– М-да, – покачала головой Нинка. – Ох, и везучая ты, Полинка!

– Везучая?

– Ну да. На такого мужика нарваться, да еще рассмотреть его с самой лучшей стороны!

– Да я чуть не ослепла! – принялась я обмахиваться ладонями.

– Скажи лучше, какой он там? – не отставала Нинка. – Большой? Хотя о чем это я? Ты же совсем в этом деле не разбираешься. А пора бы. Некоторые в твоём возрасте такой опыт имеют, что мне и не снилось! Мужчинам ведь как надо – чтобы женщина в постели тигрицей была!

– Нин, ты это, – мне хотелось закрыть уши, чтобы не слышать ее, – сходи лучше туда сама, а? Надо бы тележку мою вернуть.

– А вот и схожу! – Она выпятила грудь, расправила плечи. – И схожу! И если он и мне чего покажет, то я уж не растеряюсь.

Нина ушла, а я отвернулась к окну. Мне не хотелось даже думать о том, что бы делала Ниночка, окажись она на моем месте. И что значило «не растеряться», я уж точно не хотела знать.

А когда она вернулась, я не стала даже спрашивать, как отреагировал мужчина на ее приход. Настолько мне было стыдно.

Я почти забыла про этот случай и не думала, что когда-то еще встречу этого мужчину, но судьба приготовила мне сюрприз. Прошло две недели. Утро выдалось неприятно промозглым. Я вышла из гостиницы, плотнее укуталась в тоненький плащ и торопливо направилась к остановке. Мне не хотелось пропустить свой автобус. Если маме станет хуже, и если она, не дай бог, снова начнет задыхаться, то рядом обязательно должен быть кто-то, кто сможет оказать первую помощь или вызвать «Скорую».

– Девушка!

Эти знакомые слова неожиданно резанули слух.

Я втянула голову в плечи и продолжила идти вдоль улицы.

– Девушка! – Справа слышалось мерное рычание мотора и шелест шин. – Я к вам обращаюсь! Какая же вы пугливая...

Я не намеревалась замедлять шаг, поэтому автомобиль ускорился и затормозил передо мной у тротуара. Из него вышел тот самый постоялец, но в одежде я бы вряд ли его узнала, если бы не голос. Белая рубашка, темно-синий костюм, стильные часы на кожаном ремешке и до блеска начищенные туфли.

– Девушка, постойте! Не нужно убегать от меня.

Я замерла, осторожно подняв на него взгляд.

Он улыбался. И улыбка у него была обезоруживающая: красивые белые зубы, едва заметные ямочки на щеках и волнующие чертенята в темно-синих глазах.

Эдакий миллионер с обложки модного журнала. От него за километр пахло деньгами и роскошью, а подобных людей я всегда побаивалась. Для них такие, как мы, – люди третьего сорта.

Даже редкие прохожие поглядывали на нас с нескрываемым интересом.

– Что вам нужно? – ошетибилась я.

– Мне? – Он еще раз обворожительно улыбнулся. – Самую малость – довезти вас, куда скажете.

– Обойдусь, – буркнула я.

– Но ведь так нечестно, – рассмеялся он.

– Почему это?

Он сделал шаг навстречу, и мои пальцы машинально вцепились в сумочку.

– Потому что благодаря предыдущей нашей встрече вы знаете обо мне слишком много, а я о вас – ничего, – усмехнулся мужчина.

– Если вы хотите, чтобы я извинилась за то, что ворвалась к вам, то... извините, – нервничая, проговорила я.

И ощутила, как мое лицо вновь налилось краской.

– Хорошо. – Он склонил голову, рассматривая меня. – Только я настаиваю, что в качестве извинения вы должны прокатиться со мной на машине.

– Я не езжу с незнакомцами! – бросила я, обошла его и припустила к остановке.

– Но вы не дали мне ни единого шанса! – не отставал мужчина.

– Я вас не знаю.

– Разве это проблема? Сейчас я расскажу о себе все!

И он рассказал. О том, что его зовут Виктор и что он на шесть лет старше меня. Что его родители умерли, и что у него бизнес в столице. Что он ушел из футбола из-за травмы, но ежедневно бегают по утрам, и что не пьет, но курит. И что давно пытается избавиться от этой дурной привычки.

Не знаю, почему, но я согласилась поехать с ним. Просто мы разговорились, а тут подъехал автобус. Лязгнули двери, заскрежетал старый двигатель, нас обдало дорожной пылью, но мужчина продолжал рассказывать и рассказывать о своем доме, в который не может войти после смерти родителей, и мне не хотелось его прерывать.

А потом мы пошли к его машине, и все сворачивали шею, глядя на нас. Городской франт и деревенская дура. Богач и колхозница. Любимец фортуны и голодная, вечно уставшая, работающая круглыми сутками Золушка. Мне даже неловко было садиться в его автомобиль: внутри пахло дорогой кожей и парфюмом, а от меня несло дешевым мылом и нищенским шампунем.

– Я приехал, чтобы купить ваш завод, – признался он, остановив машину возле нашего дома.

Виктор наклонился к лобовому стеклу и взглянул на покосившийся многоквартирный барак. Он явно был шокирован, но старался не подавать вида.

– Моя мать проработала на этом заводе большую часть своей жизни, – сказала я, стыдливо прикрывая сумкой протертые коленки. – И... она заболела раком из-за асбеста, который вдыхала там каждый день, год за годом.

– Ну, и закрою его на хер! – серьезно сказал мужчина, глядя мне прямо в глаза. – Переоборудую и буду делать там... да хотя бы йогурты!

Я улыбнулась, и он добавил:

– Мне очень жаль. Насчет мамы.

– Ничего. Она держится, – сказала я. – Нам обещали квоту на операцию, нужно только дождаться.

– Ясно, – кивнул он, сканируя взглядом мои несексуальные и изрядно поношенные шмотки.

– Ладно, мне пора, – не выдержала я этого унижения.

– Пойжди. – Виктор коснулся моего локтя, и я вздрогнула. – Я могу тебя увидеть... еще когда-нибудь?

– Не стоит, – бросила я, выскочила из его шикарного автомобиля и помчалась в дом.

Я надеялась, что больше никогда не увижу его, но ошибалась. Прошло еще две недели, я уже и забыла о той поездке в дорогой красной иномарке, названия которой даже не знала, когда снова увидела Его. Виктор встретил меня после смены. Охапка белых роз, фирменная улыбка, и снова этот автомобиль.

– Я скучал, – сказал он, вручая цветы. – Привет, Полина.

А я привычно покраснела.

– Здравствуйте...

– Прокатимся по городу? Покажешь мне местные достопримечательности?

Он, верно, шутил. Какие у нас достопримечательности? Серая промзона, грязный пруд и выбоины на узких дорогах? Кажется, богач надо мной издевался.

– Я не могу, – призналась я. – Мне домой надо, меня мама ждет.

– Хорошо, тогда я отвезу тебя домой. – Виктор открыл мне дверцу своего автомобиля.

Я села и зарылась лицом в букет. Никто еще не дарил мне цветов.

– А когда мы можем встретиться? – спросил он, сев на водительское сиденье и обхватив сильными руками руль. – Завтра у тебя будет время?

– Только часик. В обеденный перерыв.

– Целый час! Да я безумно счастлив! – улыбнулся Виктор. – Тогда пообедаем вместе.

– Х-хорошо. – Подумав о неуместности такого обеда, я потупила взор.

Кажется, он прочел тогда мои мысли, потому что на следующее утро мне прямо в гостиницу доставили большую коробку с логотипом модного бренда.

– Что там? Открывай скорее! – запрыгала Нина.

Я потянула за ленту и несмело открыла крышку.

Внутри лежало роскошное платье жемчужного цвета, ажурные чулки и сказочной красоты светлые туфельки.

– Ох, и счастливая ты, Польша! – ахнула Ниночка, доставая из коробки наряды. – Гляди, какая шикардятинка! У нас таких вещей не купить! Это он тебе из столицы привез!

Она примеряла к себе платье, кружилась у зеркала, закатывала глаза и пела, а я стояла и смотрела на записку с приглашением в единственный приличный ресторан нашего города, и не знала, как мне поступить.

– Я такое никогда не надену, – решительно сказала я. – И никогда не пойду с ним никуда.

– Но почему? – вцепилась в меня Нинка. – Почему? Такой шикарный мужик! Да любая дурочка удавилась бы за возможность сходить с ним куда-нибудь!

– В том-то и дело, что дурочка, – отрезала я. – Он словно... покупает меня! А я не хочу быть ему ничем обязанной, понимаешь? Я не верю, что все это просто потому, что я ему нравлюсь.

– Ну и что с того, что он хочет тебя? Разве это плохо? – удивилась подруга. – Выжми из него, сколько сможешь, делов-то!

– Нет уж, Нин, такое не для меня. – Я сложила руки на груди.

– Какое «такое»? – закатила она глаза. Швырнула платье на диван и развернула меня к себе. – Он тебе что, не нравится?

– Нравится.

– Тогда в чем дело? Сходи ты с ним в этот ресторан! Пусть наши девки все ахнут! Пусть упадут от зависти! Сходи, закажи самых дорогих блюд, поешь от пуза, зато будет что внукам потом рассказывать!

И я поддалась ее уговорам. Надела чулки, туфли и платье, от красоты которого у меня перехватывало дух. Позволила Нине нанести мне легкий макияж, распустила волосы и вышла к нему при полном параде.

Единственное, что заставляло нервничать, это то, что подруга не позволила мне взять с собой старую сумку, а без нее мне не во что было вцепляться от страха, поэтому я нервно мяла пальцами пояс платья, когда Виктор открыл мне дверцу машины и помог сесть.

Когда я садилась в его автомобиль, все сотрудницы гостиницы прилипли к окнам, чтобы увидеть это. Мне хотелось сгореть со стыда от неловкости. Весь обед я краснела, бледнела, шарахалась от заботливых работников ресторана, от цен в меню и от подарков, которые так и норовил сунуть мне Виктор при каждом удобном случае.

Духи, конфеты, еще какие-то коробочки. У меня от всего этого кружилась голова. Хотелось встать и сбежать, но тут он вдруг сказал:

– Я договорился с лучшим хирургом страны. Мы везем твою маму в столицу. – Видимо, я слишком часто моргала, потому что он повторил: – В столицу. Ты слышишь меня, Полин?

Я смотрела на него и видела лишь искренность, но не могла не спросить:

– А что за это?

– Не понял, – нахмурился он.

– Что я должна буду тебе за это? – проговорила я, стараясь удержать равновесие.

Виктор добродушно улыбнулся.

– А за это ты перестанешь озираться по сторонам и бояться меня.

– Я серьезно.

– Я тоже серьезно, Полин. Я просто хочу помочь. – Он потянулся и взял меня за руку. – Сегодня нужно собрать вещи и документы, завтра мы перевозим твою мать в самую современную клинику.

И вот тут я чуть не разрыдалась.

А потом был переезд, многочисленные исследования, анализы, снова анализы и процедуры. Я жила с мамой в одной палате, ухаживала, старалась ее все время как-то ободрить. Мы с ней понимали, что шансов почти нет, но хватались даже за эту призрачную надежду.

Но после дополнительных исследований вдруг стало ясно: рак неоперабельный, и прогноз, данный врачами, был совсем неутешителен.

– Мам, ты поспи, – я накрыла ее одеялом и поцеловала в лоб, – тебе нужно отдохнуть.

– Ты к Вите?

– Да, спущусь, он приехал. – Я пожала плечами. – Погуляем по больничному парку, поболтаем.

– Правильно, развейся. Парень он хороший, тебе подходит, – вымученно улыбнулась она.

– Я ему не пара, мам. – Я качнула головой. – Ты же понимаешь.

– Это еще почему? Что значит не пара? – из последних сил нахмурилась она.

– Да я ведь нищая...

– Ерунда. Ты у меня красавица и умница, ясно? Он себе такую жену здесь в столице не найдет. И даром, что ли, он тебе помогает? Просто так за тобой как привязанный, ходит? Нравишься ты ему, Полина, сильно нравишься.

– И что с того?

– А он тебе нравится?

Конечно, того, о чем пишут в книгах, я к Виктору не ощущала, но нам было интересно вместе. Да и темы для разговоров у нас никогда не заканчивались.

– Нравится, – кивнула я.

– Вот и хорошо. – Мать сжала мою ладонь. – Родственников у него нет, а, значит, свекровь пилить не будет. Парень он хороший, да еще и с деньгами, а стало быть, с ним ты не пропадешь, и не придется больше заплатки на колготки ставить.

– Мам...

– Вот умру я, и куда ты? Вернешься обратно? И что ты там будешь одна делать в этом бараке? А Виктор – это твоя перспектива. Такого мужчину нужно крепко держать, никому не отдавать.

– Мам, ты чего? Какой «умру»?

– Пообещай мне. – Она крепко сжала мою ладонь. – Пообещай, дочь, что не вернешься обратно, что останешься с ним!

– Мам, тебе еще жить да жить. Сколько бог отмерил, все – твое. Плохо вот так заранее о смерти говорить.

– Держись за него, Полина, он – твой счастливый билет, поняла? – не отставала она.

– Поняла, – согласилась я.

Мама умерла через месяц.

В последние дни она была совсем плоха, самостоятельно уже не дышала. Но всякий раз, когда я смотрела ей в глаза, я видела там беспокойство за мою судьбу, и это меня печалило.

Пришлось вернуться в родной городишко, чтобы похоронить ее. Отпевание, скромный крест на могилке, венок с лентой, искусственные цветы – вот и все, на что хватило оставшихся денег. У Виктора я принципиально ничего не брала.

Он пришел на кладбище, сел со мной рядом на скамейку и обнял за плечи. И только в этот момент я дала волю слезам. У меня ведь реально, кроме него, больше никого и не осталось. И ничто не держало меня больше в этом городе.

– Поживешь в моем доме? – тихо спросил Вик.

– В твоём доме?

– Да.

– Нет. Мне лучше снять себе квартиру и начать искать работу, – всхлипнула я.

– Считай, что я нанимаю тебя дизайнером. Обставишь мой дом на свой вкус, все там переделаешь. Бюджет не ограничен. Как тебе?

– Звучит заманчиво, – прошептала я и вдруг заметила, как он дрожит.

Повернулась и наткнулась на его взгляд. Восторженный, просящий, несмелый. И именно в этот момент поняла, что этот мужчина сделает для меня все, что попрошу.

– Хорошо, – сказала я.

И он меня поцеловал.

А я ответила. Неумело, пылко, крайне неуклюже. Но, кажется, ему понравилось. И я вдруг ощутила, что мне теперь есть за кого держаться в этой жизни.

И в этот момент у него в кармане зазвонил телефон.

– Прости, – сказал Вик, поглаживая мою щеку большим пальцем. Он достал телефон, взглянул на экран. – Нужно ответить, это мой лучший друг. Марк.

Я кивнула.

Откуда мне тогда было знать, что именно этого звонящего мне очень скоро предстоит опасаться? Что именно этому человеку суждено будет раскромсать мою душу, изорвать ее в клочья...

Марк

– Ты можешь не спорить? – рявкнул я в трубку, не в силах больше выслушивать тот бред, который он мне пытался втирать. – Мать твою, Витя, да что с тобой в последнее время?! Мы же договаривались!

– Я все понимаю, но я сейчас с Полиной. Мне нужно показать ей дом.

– Какой дом, придурок? Ты вконец рехнулся? – Я сел и отдернул руку, за которую держалась пьяная стриптизерша. – У нас с тобой вроде до хера важных вопросов, которые нужно обсудить, а ты со своими шмарами по городу рассекаешь?

– Она не... черт, Марк... – Друг понизил голос до шепота. – Хорошо, сейчас мы подведем, но ненадолго.

– Жду. – Бросил я и скинул звонок.

Убрал телефон, вытянул ноги и затянулся терпким табачным дымом. Стриптизерша выгнулась, потянулась ко мне, что-то мурлыча под нос, но я грубо оттолкнул ее:

– Вали!

– Что? – Она округлила глаза, мгновенно, кажется, протрезвев.

Наверняка надеялась на продолжение после приватного танца.

– Убирайся прочь! Пошла! – отмахнулся я, бросив ей пару купюр.

Девушка схватила их, спрятала в декольте и поспешила убраться, пока я не вышел из себя.

Поведение Вика в последнее время не на шутку бесило меня. Неужели он размяк от чар очередной девицы? На него это было очень не похоже.

Он теперь то исчезал куда-то надолго, то часами не брал трубки, то пытался внушить мне, что мы с ним с какого-то хрена должны переориентировать производство на новом объекте! И все из-за какой-то его новой бабы!

Да таких, как эта Полина, у него были сотни: каждый день новая, но стоило появиться этой, как Вика словно подменили. И это жутко меня напрягало.

Мне вдруг стало казаться, что я совсем не знаю его, хотя мы с Воскресенским дружили еще с детства и потому всецело друг другу доверяли.

Когда мы познакомились, я был чертовым голодранцем.

Хотя моя семья жила не лучше и не хуже остальных, но звезд с неба мы не хватали. Простенькая двушка в спальном районе, мать-учительница и отец – бывший боксер, а ныне спивающийся мерзкий алкоголик, оттачивающий на нас давно подзабытые приемчики.

Я все время старался угодить ему: исправно упражнялся в боевых искусствах, демонстрируя все новые и новые навыки, таскал пятерки из школы, ни в чем не перечил, но этому сукину сыну все было мало. Стоило ему выпить, и в доме начинался ад. Он жестоко избивал мать, затем избивал меня. За что? Да за то, что я пытался за нее вступить. А затем он запирал нас в дальней комнате и приводил в наш дом всех шлюх с округи.

Мать все слышала и все понимала, но старательно прятала слезы и делала вид, что занята своими делами. Она гладила белье, вязала, шила, читала – делала все что угодно, чтобы просто не сидеть и не слушать, как из соседней комнаты доносятся пьяные выкрики, смех, звон посуды и противные, бесстыдные шлепки и стоны.

Отец трахал своих собутыльниц прямо на супружеской кровати или завалив на кухонный стол. Те громко охали и смеялись, а он даже не вынимал сигареты изо рта, лишь приспускал штаны, наваливался сверху или сзади и наяривал.

Я видел в замочную скважину, как двигается его дряблый зад и как колышутся груди его подружек, и ненавидел его еще сильнее.

Но больше всего я ненавидел мать. Бессловесную, покорную тряпку, которая позволяла ему вытирать о себя ноги. Мать, которая добровольно терпела все эти мерзости и унижения. Мать, которая стыдливо прятала взгляд, выходя из дома, когда соседи шептались ей вслед.

Все об этом знали. Весь район.

Прошло еще немного времени, и об этом стали говорить в школе.

К тому времени я больше не сидел под дверью каждый раз, когда дома случались пьяные оргии. Отец запирал нас в комнате, а я выпрыгивал в окно и не возвращался домой всю ночь. Мать по-прежнему печально прятала свои синяки и слезы, а мне все меньше хотелось возвращаться домой.

– Ты полное ничтожество, – презрительно оглядев меня, бросил отец, когда я вернулся из школы побитым.

Мне в тот день пришлось избить всех, кто говорил гадости о моей матери, но он, конечно, не мог знать этого. Все, что его интересовало, это его собственное удовольствие, старые местные шлюхи и бухло, запахом которого пропитался буквально весь наш дом.

И я не стал отвечать ему ни слова.

Набросился, как молодой лев накидывается на старого вожака, и, не помня себя, стал молотить кулаками: в лицо, в грудь, в живот. Я знал, что этот урод пропил все свои навыки и не сможет ответить мне достойно, поэтому вкладывал в каждый удар всю свою ярость, всю боль и всю ненависть.

Очнулся я в тот момент, когда тишину комнаты прорезал вой матери. Она бросилась на него, стала обнимать, целовать. Она гладила его лицо и умоляла очнуться. Отец лежал в луже собственной крови, беспомощно закатив глаза, а мать, скривившись от злости, осыпала меня проклятиями и приказывала убираться прочь.

Меня трясло: от адреналина, от боли, от привкуса крови на зубах. Мне хотелось добивать его ногами, рвать на части, втаптывать в пол, но ее слова – они отняли

у меня последние силы.

Я просто развернулся и ушел из дома. Навсегда.

Тогда-то мы и познакомились с Виком. Мне негде было ночевать, и я шатался по улицам от одной тусовки и пьяной компании до другой. Зарулил в темный переулок и вдруг увидел, как трое отморозков прессуют какого-то тощего хлыща, который вышел из клуба, чтобы отлить. Попытался заступиться за него. Зачем? Сам не знаю. Помню лишь, как сказал им что-то дерзкое, и тут же завязалась драка. Воскресенский хоть и был богатеньким дрищем, но дрался отчаянно и не боясь запачкать свой выглаженный забавный костюмчик.

В тот день нам нехило навалили, но мы получили больше – дружбу, которая связала нас навсегда.

Вик договорился с родителями, и мне разрешили пожить в их доме, пока я полгода доучивался в школе. Это был большой загородный особняк, окруженный раскидистыми яблонями. Семья Вика была состоятельной и дружной: семейные обеды и ужины, веселые праздники в тесном кругу – все то, что было ненормальным для меня, мальчишки, выросшего в атмосфере звона пустой стеклотары, запаха перегара и отборных тумачков, сыплющихся на него минимум дважды в неделю.

С матерью мы, конечно, встречались потом – в школе. Она подходила ко мне после уроков и уговаривала, чтобы я вернулся и извинился перед отцом. Я смотрел на нее с жалостью и не понимал, что такое сильное может удерживать ее рядом с этим чудовищем все эти годы?

А потом я сам стал чудовищем.

Когда родители Вика погибли в автокатастрофе, мы с ним решили объединить наши усилия. Он вложил в наше общее дело все свое наследство, а я вложил в него свои мозги и кулаки.

Воскресенский занимался бумагами и официальными каналами продвижения нашего бизнеса, а я в это время безжалостно и кроваво расправлялся с

конкурентами и всеми теми, кто осмеливался встать у нас на пути.

Вик был прагматичным и тяжелым на подъем, а я постоянно фонтанировал идеями и вынуждал его рисковать. Сделки с опасными партнерами давали нам новые возможности для развития бизнеса, и капиталы нашей фирмы приумножались.

Прошло всего несколько лет, и мы так тесно переплелись в общем деле, что стало неважно, чьи деньги однажды дали нам возможность для старта. Вик прекрасно осознавал, что без меня он никогда бы не достиг подобных высот.

Мы стали братьями, не по крови, но по духу. Мы проросли друг в друга и оттого доверяли друг другу практически безгранично.

Все шло, как надо, пока на горизонте не замаячила эта... Оксана? Таня? Как ее там? Полина...

Я прежде не запоминал имен его многочисленных пассий на одну ночь, ровно как и не помнил их лиц. Но теперь... теперь я словно нутром чувствовал, что на этот раз все по-другому.

И не зря.

Стоило ей войти в клуб под руку с Виком, как меня словно прошило разрядом тока. И внутри что-то ослепительно взорвалось. Вспыхнуло.

Я почти физически почувствовал, как меня накрыло.

4

Полина

В подобном месте я была первый раз. Всюду мерцали огни, грохотала музыка, в воздухе стоял запах табака и дорогих духов. Виктор явно чувствовал себя здесь

в своей тарелке. Охранники, официанты, менеджеры – все приветствовали его как постоянного гостя. А какая-то полураздетая девица даже попыталась броситься ему на шею, но он тут же остановил ее жестом руки.

– Не сейчас. – Виктор резко мотнул головой, обернулся, взял меня за руку и потянул за собой. – Идем, мы ненадолго.

Девица с недовольством воззрилась на нас, но мы уже двинулись дальше сквозь толпу.

Я с ошеломлением разглядывала извивающихся на шестах и практически раздетых женщин. И поражал меня даже не их внешний вид и их бесстыдные движения, а то, как реагировали на них находящиеся в зале мужчины: вроде прилично одетые, состоятельные, многие даже трезвые, все они улюлюкали, свистели, тянули руки с зажатыми в них купюрами к стриптизершам и даже пытались ухватить их за бедра или задницы.

«Дикость какая», – подумала я.

Но, похоже, девушкам на сцене это только льстило: они зазывно прогибались, демонстрируя свое тело, бросали на посетителей манящие взгляды и многозначительно им улыбались.

– Я понимаю, что тебе не по себе, – как-то немного виновато посмотрел на меня мой спутник. – Потерпи немного, Полин. Я поговорю с другом, и мы сразу уйдем.

Не знаю, зачем он сказал мне это. Наверное, у меня был слишком смятенный вид.

– И часто ты тут бываешь? – осторожно поинтересовалась я.

Вик рассмеялся – смущенно и нервно.

– Нет, – отмахнулся он и потянул меня за собой. – Редко. В основном из-за того, что тут всегда можно найти Марка.

«Врет», – поняла я.

– А вот и он. – Вик зачем-то крепче сжал мою руку.

Он будто волновался.

А я подняла взгляд и заметила столик в глубине зала. Самый дальний, он находился на небольшом возвышении, подиуме. От остальной части помещения он был огорожен железным каркасом с перилами. Посередине на фиолетовом диванчике, развалившись в небрежной позе, сидел мужчина.

Белая рубашка с закатанными до локтя рукавами, три верхние пуговицы расстегнуты – грудь с небольшой порослью темных волос поверх мягкого золотистого загара. Жилистые руки с тугими канатами вен, в одной из них зажат невысокий стакан с виски, в другой – толстая сигара.

Мужчина затаился, задумчиво прикрыв веки, и резко, будто нервно выпустил дым из красивых, хищных губ. Он явно ощущал себя хозяином жизни или кем-то даже вроде бога. Или дьявола. Скользил презрительным взглядом по залу и продолжал недовольно хмуриться.

Мне почему-то совсем расхотелось подходить к нему. Разом стало так страшно, что этот человек сейчас повернется и заметит меня, что в лицо ударил холод, а по телу молниеносно распространился тягучий жар. Казалось, что от этого ощущения меня даже немного покачнуло и голова закружилась.

– Нам вверх, – кивнул на ступени Виктор.

У меня задрожали колени.

Я не сводила глаз с незнакомца. Идеальный профиль: густая, короткая борода с безупречно ровным краем, крадущаяся от виска до подбородка, пухлые губы красивой формы, длинный нос с едва заметной горбинкой, густые темные брови и черные, как адова пропасть, глаза.

Весь его образ – продуманная до мельчайших деталей небрежность, созданная лишь для того, чтобы заявить: «Я – дьявол. Циничный, испорченный дьявол, для которого все остальные люди лишь букашки, которых можно давить ногами».

Мое дыхание оборвалось, а сердце замерло.

В этот самый момент мы и оказались перед ним.

– Привет! – Вик наклонился и приобнял его.

Я не дышала, ожидая момента, когда он отойдет, и дьявол полоснет по мне взглядом.

Но это было неизбежно.

– Знакомься, это моя Полина, – радостно представил Виктор, оборачиваясь ко мне. – Полина, это Марк. Мой лучший друг.

Дьявол отклонился на спинку дивана и лениво запрокинул голову, чтобы удостоить меня своим вниманием. Отложил сигару и выпустил дым, медленно оглядывая меня с ног до головы.

Мое сердце метнулось вверх и забилось где-то в горле. Захотелось попятиться назад. Убежать. Наверное, так и стоило поступить, но меня будто пригвоздили к полу.

Его энергетика гипнотизировала, завораживала. Она действовала подобно парализующему яду и совершенно лишала воли. А взгляд... тот бил словно хлыстом. Невыносимо тяжелый, пугающий и дикий. Мне показалось, что этот человек в одну секунду занял собой все пространство вокруг меня.

– Здравствуйте, – проблеяла я не своим голосом.

Его кадык дернулся, а уголок губы изогнулся в злой ухмылке.

Взгляд из-под густых черных ресниц резко вонзился в мое лицо. Этот непроницаемый равнодушный взор каким-то чудесным образом забирался сразу под кожу. Медленно, осторожно, коварно. Вьедался глубоко и распространялся по телу миллионами мурашек.

Мне все это очень и очень не нравилось.

Я ждала, когда он поприветствует меня в ответ, но тут дьявол, будто потеряв ко мне всякий интерес, медленно перевел взгляд на друга и глубоким, низким голос произнес:

– Скажи своей соске, пусть пока погуляет, а мы обсудим с тобой наши дела.

Марк

Интерес. Вот что я испытал, впервые увидев ее в этой толпе одинаковых шлюх, вырядившихся так, чтобы продать себя подороже. Настоящий охотничий интерес, которого я не ощущал еще со времен студенчества.

Сейчас я мог купить любую: на час, на вечер, на ночь. Мог даже позволить себе приобрести карманную «собачонку» с надувными сиськами, которая будет следовать за мной по пятам и вежливо улыбаться всем моим гостям и деловым партнерам. Мог бы держать даже целый гарем из таких вот продажных, скучных и предсказуемых до оскомины на зубах дешевок.

Но были времена, когда я не мог себе позволить даже переспать с любой из них.

В десятом классе я влюбился по уши в свою одноклассницу Маринку и не знал, как к ней подкатить. Разумеется, Маринка даже не замечала меня. А когда я предложил ей встречаться, высмеяла на весь класс.

– Я? С тобой? Да ты посмотри на себя!

Я тогда страшно переживал, ощущал себя ничтожеством, но один случай изменил все. Летом после окончания школы я подрабатывал в автосервисе. Нужно было перегнать одну шикарную тачку после смены. Представительский класс, кожаный салон, свежая полировка – не машина, конфетка.

Отъехал от сервиса буквально метров на пятьдесят, а тут она – Маринка. Идет по улице, походка от бедра. Опустил стекло, чтобы удостовериться, что это действительно она, а девчонка возьми да обернись.

– Загорский? Ты?!

Видели бы вы ее лицо. Восхищение, изумление, алчный огонь в глазах.

– Привет, Марина. – Автомобиль остановился возле нее.

Девушка наклонилась к окну, представив моему взору упругую грудь в обтягивающей кофточке.

– Твоя, что ли? – спросила она, внимательно оглядывая салон.

Я видел, как горят ее глаза, поэтому спокойно ответил:

– Моя. – Ухмыльнулся и хлопнул ладонью по пассажирскому сиденью. – Садись, прокачу.

Уже через двадцать минут она исступленно брала у меня в рот. Отчаянно старалась и пыталась удивить меня своим мастерством, заглатывая до предела и почти давясь. А еще чуть позже низко охала, когда я, наклонив ее на капот «своей» шикарной тачки, яростно насаживал ее задницу на свой вздыбленный член. И жалобно скулила, когда впивался пальцами в ее длинные волосы на затылке и с силой оттягивал ее голову назад.

В тот день я понял, что все покупается и все продается. Главное – цена.

А еще обнаружил, что схожу с ума от длинных женских волос. Буквально зверею. Это мой маленький порочный пунктик. Волосы у Маринки, кстати, оказались нарощенными, поэтому я тут же потерял к ней всякий интерес. Ровно как и к любой бабе, которую трахал после нее.

Больше я не запоминал их лиц и имен. Не для того, чтобы не привязываться, нет. Мне просто не были интересны все эти куклы с конвейера с одинаковыми губами, носами, ресницами. Все эти длинноногие манекены, созданные лишь для того, чтобы удовлетворять основные мужские потребности. Я трахал их и тут же забывал. Некоторые не успевали даже одеться и уйти, а я уже не помнил, как они выглядели.

Но эта... Та, что привел с собой Вик... Откуда он ее вообще притащил?

Либо гениальная работа пластических хирургов и косметологов, либо на самом деле настоящая. Белоснежная кожа без капли косметики, россыпь светлых веснушек по щекам, пухлые губки такой интересной, по-детски наивной формы, что невольно сразу представляешь, как она обнимает ими твой член. Высокая грудь, обтянутая каким-то зачуханным свитером, гордые покатые плечи и осанка балерины.

Но самое главное – нереальное сочетание темно-янтарных глаз и светлых, пшеничного оттенка волос, доходящих длиной до поясницы. А этот взгляд: в огромных глазах растерянность, невинность и смтение, перемешанные с достоинством. Либо это все было шикарней актерской игрой, либо девчонка реально была аленьким деревенским цветочком, что маловероятно.

Мне почему-то сразу захотелось ее осадить.

Что бы там шлюха о себе ни думала, она останется шлюхой, и не более.

– Скажи своей соске, пусть пока погуляет, а мы обсудим с тобой наши дела, – бросил я, с нетерпением ожидая ее реакции.

Девушка моргнула, будто не расслышала. Затем ее глаза округлились и стали еще красивее, рот приоткрылся, а грудь поднялась высоко. И все за какую-то секунду.

Но первая реакция последовала не от нее, а от Воскресенского. Тот ухватил ее за запястье и повернулся ко мне:

– Она сейчас сядет, а ты встанешь, и мы отойдем.

Больше всего меня поразила его интонация. Вик никогда не разговаривал со мной таким тоном. Похоже, случилось именно то, чего я никак не мог предполагать: эта телка охмурила его так крепко, что у Воскресенского реально поехала крыша.

– О'кей, – улыбнулся я, понимая, что друг настроен решительно.

Поднялся и вышел из-за стола.

– Полин, прости, пожалуйста. – Вик за моей спиной пытался усадить взбрыкнувшую спутницу на диван. – Посиди, мы сейчас вернемся.

Я спустился вниз по ступеням и в тот же момент почувствовал толчок в спину.

– Какого хрена? – процедил сквозь зубы Воскресенский, разворачивая меня к себе.

– Эй, полегче, – предостерег я, отшвыривая от себя его руки.

– Ты соображаешь, Загорский? – снова налетел на меня Вик. – Это моя девушка, ты что мелешь?!

– Ты своих шлюх со мной за один стол сажаешь! – парировал я. – Я что, должен оказывать им какие-то королевские почести?

– Ты понимаешь, что ты сейчас делаешь? – покраснел он от гнева. – Ты унизил ее! И унижаешь меня перед ней!

– Остынь, детка. – Я отступил на шаг назад и оглядел друга. – Так ты ее просто разводишь, что ли? – Рассмеялся. – Так бы сразу и сказал, я бы подыграл тебе.

– Какая разница? – Вик метнулся вперед и навис надо мной. – Ты не должен так вести себя!

– Как? – Я дернул плечами, поправил ворот рубашки. – Как, Витенька? Может, ты подскажешь, что я должен изменить в своем поведении, чтобы угодить твоим бабам? Или эта какая-то особенная? Как-то дает, не как все?

Воскресенский еле сдерживался. На его лице гуляли желваки, пальцы сжались в кулаки.

– Не баба, а девушка. Это моя девушка, Марк, запомни. На этот раз у меня все серьезно.

– Вау, – усмехнулся я. – Стало быть, поэтому ты всаживаешь в нее столько бабла?

В следующее мгновение он ухватил меня за грудки и подтянул к себе.

– Я трачу столько, сколько хочу. Ясно? – прорычал мне прямо в лицо. Затем медленно расцепил пальцы и опустил руки вниз. – Это мои деньги, я их заработал. Или, может, у тебя другое мнение?

Я сделал шаг и кивнул.

– Тебе пора включить голову, Воскресенский. Эта твоя...

– Полина, – подсказал он.

– Эта твоя Полина ничем не лучше остальных. Откуда ты притащил ее? Из какого-то Мухосранска? Значит, должен понимать, что она там всем колхозникам отсосала, а теперь тебя окучивает! Да у нее одно бабло в глазах, а ты для нее – лишь способ его получить. Они все одинаковые, каких бы овечек из себя ни строили, поверь моему слову.

– Она не такая, – тяжело дыша, сказал Вик. И ввинтил мне в грудь свой палец. – Не такая, понял?

– Ну да, – хмыкнул я, оглядывая его с жалостью.

– Со мной первый раз такое, Марк. Я не знаю, что это, но чувствую, что могу доверять ей. Чувствую, что это на всю жизнь.

– Ого! – Мне стало смешно. – Ты серьезно?

Вик положил свои ладони на мои плечи.

– Я прошу тебя, Марк. Посмотри на меня. – Он дождался, когда я подниму взгляд. – Прошу тебя вести себя с ней прилично, хорошо? Полина совсем другая, не обижай ее. Обещай.

И в этот момент я решил, что сделаю вид, будто прогнулся.

– Да. Как тебе угодно. – Шумно выдохнул. – Если придется быть паинькой, чтобы ты мог трахнуть свою колхозницу, значит, я побуду паинькой.

5

Полина

Никто и никогда не обращался со мной таким образом. Никто не унижал подобными словами. «Соска»! Что это, вообще? Что означает? Хотя я догадывалась, и от этого становилось только обиднее. Щеки горели от ударившего в них жара, а коленки тряслись от холода и злости.

Я ерзала на диване, не решаясь встать и уйти. Если бы можно было убежать незамеченной, то так бы и сделала, но единственный путь отсюда проходил через лестницу, внизу которой стояли мужчины. Сталкиваться еще раз с этой сволочью прямо сейчас мне не хотелось.

Меня отчаянно лихорадило. Что он подумал обо мне? Что я проститутка? Но ведь я прилично одета, пришла сюда со своим молодым человеком. Или, может, я недостаточно респектабельно выгляжу? Не ровня такому обеспеченному человеку, как он?

Да пошел этот Марк! Ничтожество!

Единственное, о чем я сейчас жалела, так это о том, что растерялась, услышав обидные слова. Не сразу поняла, что мне прямо в лицо могут сказать что-то такое. Зависла, потеряла дар речи, а нужно было шарахнуть с размаху ему по роже, чтобы не потерять чувство собственного достоинства окончательно.

А теперь сижу тут. Жду. Ну, точно как та, кем он меня обозвал!

Черт, Полина, где же твое самолюбие?

Я решительно встала, выбралась из-за стола и подошла к основанию лестницы.

– Я уволил его.

– Ты его что? В смысле?

– Немножко подрихтовал ему рожу и выставил ногой под зад.

– Черт, нам нужно было сначала со всем разобраться!

– С чем тут разбираться, Вик? Эта тварь посмел сунуть свою лапу в наши счета!

– Он ведь оказался в трудной ситуации.

– В трудной? О'кей. Тогда этот урод должен был подойти к нам с тобой, рассказать о своем положении и попросить денег, а не переводить их молча на счет своей бабы!

– Но нам некому больше доверять. Мы не можем поставить на эту должность кого-то с улицы.

– И ему мы тоже больше доверять не можем. Скажи спасибо, что я не скормил его собакам, меня так и подмывало вчера это сделать!

– Спасибо.

– Нам нужен человек, который займет место этого увальня.

– Кто?

– Кто-то достаточно жесткий, чтобы уметь противостоять всей этой шобле, которая постоянно пытается нагреть нас на бабки.

– Я могу позвонить своему дядьке, у меня больше нет никого на примете. После смерти моего отца он живет обособленно, ни с кем не общается, но в молодости отлично справлялся с подобной работой.

– Звони, – отрывисто сказал Марк.

И в тот момент, когда он начал оборачиваться, я отшатнулась и рухнула обратно на диван. В груди заклокотало от возмущения и волнения, пальцы нервно затеребили край юбки.

Все чужое. Все мрачное, странное, дикое. Мне не нравится тут. Не нравится в этом городе. Мне хочется к маме, но мама... И в глазах защипало от подступающих слез.

Шаги приближались.

Я слышала их даже сквозь шум музыки.

Сделала вдох, расправила плечи и повернулась. Марк поднимался первым. Поступь хищника, подобие улыбки на чувственных губах, пугающий холодный взгляд, в котором странным образом уживались равнодушие и злость.

При других обстоятельствах мне понравился бы именно он, но после услышанного оскорбления все, что я чувствовала при взгляде на этого человека – это лишь отвращение. И первое, что ощутила, столкнувшись с ним взглядами сейчас, это парализующий страх.

– Полина, – широко улыбнулся он, наклоняясь ко мне.

Я перестала дышать, вжавшись в спинку дивана. Едва не вздрогнула, выдав ему свой страх.

– Прости, что был груб. – Мужчина сел рядом и вплотную приблизился ко мне. – Твой прекрасный рыцарь объяснил мне мою ошибку. – Взяв мою дрожащую ладонь в свою руку, он поднес ее к губам и поцеловал. – Не держи зла, хорошо?

От звука его низкого голоса и ощущения прикосновения горячих губ к холодной коже меня затрясло еще сильнее. Я не поверила ни единому слову, и взгляд Марка только подтвердил мои опасения: черные глаза смеялись надо мной, в них плясал хищный, мстительный огонь.

Я отдернула руку, и мужчина резко сжал челюсти. Повернулась к Вику, но тот довольно улыбался – он ничего не заметил.

* * *

– Ты не должна обращать внимания на Марка, – объяснял мне Виктор, когда мы садились в его машину. – Просто он такой, и вряд ли кто-то сможет это изменить.

– Он придурок. Нет, просто скотина! – возмущалась я. – Прости, конечно, но я не понимаю, как ты общаешься с этим человеком. Как говорят? «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты»? Тогда я в полном смятении. Что вообще у вас общего?

– Спокойнее, Польша, – улыбнулся он. – Я поговорил с Марком, он больше не станет говорить с тобой... в таком тоне.

– Ох, спасибо. – Я отвернулась к окну.

– Просто он вот такой. Невоспитанный, грубый, не умеет с женщинами по-другому. – Вик погладил меня по плечу. – Пойми, у него была тяжелая судьба. Трудные отношения в семье, с матерью и отцом. Все это сделало его не очень-то... вежливым.

– У вас общий бизнес? – Я посмотрела на него.

– Да. Мы с детства вместе, – кивнул он. – И я доверяю Марку. Мне некому доверять в этой жизни, кроме тебя и него. Большие деньги – это еще и большие ставки, Польша. Вокруг полно людей, которые только и ждут, что мы дадим слабинку, чтобы воспользоваться моментом и выкинуть нас из игры. Единственный, кто всегда будет на моей стороне, это Загорский – вот что я знаю точно.

– Да он просто козел.

– Я понимаю, – виновато улыбнулся Вик. – Обещаю, что тебе не придется общаться с ним часто, но ты должна знать. В случае чего... или если со мной что-

то случится... мало ли... только он сможет тебя защитить.

– Что? О чем ты? – не поняла я.

Он увидел, как округлились мои глаза, и поспешил успокоить:

– Да нет, не обращай внимания, это я так. Просто, когда ты играешь покрупному, ставки растут, и иногда приходится иметь дело не с самыми приятными людьми...

– Ты занимаешься чем-то опасным? – По моей спине пробежал холодок.

– Нет. – Он отчаянно замотал головой. – Но иногда, чтобы организовать производство в каком-то конкретном районе или на новой территории, нужно подмазать не одного влиятельного человека, Поль. А если на этой же территории работает уже кто-то другой, то неизбежно возникают трения. Конкуренция...

– Вик...

– Только не забивай этим голову, Поль, ладно? После всех испытаний тебе нужно сейчас просто отдохнуть. Давай посмотрим дом, и ты скажешь мне, можно ли с ним что-то сделать, хорошо?

– Хорошо, – согласилась я.

Мы выехали за город. Прибыли в один из элитных поселков, доехали практически до самого его конца и свернули куда-то в сторону пролеска.

– Я начинаю переживать, – улыбнулась я, разглядывая через стекло высокие стройные сосенки, крутой обрыв и реку внизу.

– Мы почти на месте, – рассмеялся Вик.

Автомобиль проехал вдоль обрыва и свернул влево, к зеленой аллее. Ветви деревьев сходились так высоко над головами, что солнечный свет был виден лишь в конце пути – там, где виднелся огромный дом с черепичной крышей.

– Ого! – воскликнула я, когда мы подъехали ближе. – Вот это хоромы!

Я видела подобные дома лишь в фильмах. Настоящая усадьба. Семейное гнездо!

– Да, работы тут для тебя будет достаточно.

– Вить, а ты не боишься, что я не справлюсь? – Мне не сиделось на месте, я буквально прилипла к окну, разглядывая запущенный двор и богатое убранство самого особняка.

– Я боюсь, что ты слишком быстро закончишь с ремонтом и убежишь из моей жизни.

– Но ведь есть еще отделка, – улыбнулась я, – дизайн комнат, ландшафтный дизайн, всякие мелочи. – Подмигнула ему. – А как насчет того, чтобы привести в порядок во-о-он те яблоньки, – я указала на сад, – и высадить там новые деревья?

– Я только «за», – просиял он.

Автомобиль остановился, я поцеловала Вика и выпорхнула из машины.

– Господи, как красиво! Как красиво! – оглядываясь по сторонам, смеялась я. – Жаль, мама не видит. А какой воздух свежий! Это же просто... рай!

Осмотрев территорию возле дома, я решила войти внутрь.

– Ну, же, идем, – махнула Вику.

Он глубоко вдохнул. Пришлось взять его за руку.

– Идем.

Дверь скрипнула, и мы вошли.

Внутри было чисто и достаточно современно. При желании можно было оставаться и жить тут хоть сейчас.

– Мой дядя следит за домом, – объяснил мой спутник. – Я не был здесь с похорон родителей, только оплачиваю счета, а дядя Саша заезжает раз в месяц, чтобы проверить, все ли в порядке.

– Как ты хочешь здесь все изменить? – спросила я, оглядывая гостиную. Время здесь будто остановилось лет десять назад, но все равно вся обстановка выглядела в миллион раз красивее и удобнее, чем наша с мамой квартирка в старом бараке.

– Мне все равно, – признался Вик. – Сделай все так, как для себя. Чтобы ты хотела здесь видеть, если бы сама жила в этом доме?

– Я? – У меня чуть глаза на лоб не полезли. – О... ну... я бы обновила отделку и чехлы на мебели, а что касается дизайна, то сделала бы все проще и функциональнее, а то... не знаю, тут слишком чопорно, что ли.

– Вот и сделай все на свой вкус. – Вик обнял меня за талию и притянул к себе. – Найми столько рабочих, сколько понадобится. Выбирай любые материалы, любые средства и инструменты и, пожалуйста, никуда не торопись.

– Значит, я могу пожить здесь, пока работаю над проектом? – взволнованно спросила я, глядя на свое отражение в его темно-синих глазах.

– Ты можешь все, что захочешь, – тяжело дыша, прошептал он мне в губы. – Только попроси.

Вик прижал мне к себе крепче, и я почувствовала, как сильно он возбужден. Это меня немного напугало, но отталкивать его не захотелось.

– Я... могу попросить тебя... подождать? – хрипло проговорила я, ощущая, как его руки крадутся вниз по моей спине. Они замерли буквально в паре сантиметров от поясницы. – Просто... дай мне время.

– Я все понимаю. Не нужно объяснять, – кивнул он. И его ладони вернулись на мою талию.

Мое сердце билось в этот момент оглушительно громко. Я видела, что мужчина буквально изнемогает от желания, ощущала, как его потряхивает от нетерпения, но ничего не могла поделать с собственным волнением.

– Спасибо, – прошептала я, встала на носочки и мягко коснулась губами его губ.

6

Полина

Я ни дня не работала по специальности, поэтому волновалась, что же все-таки выйдет из моей попытки вдохнуть в старый дом новую жизнь, но, надо признаться, по-настоящему загорелась этим делом. Усадьба будто сама шла мне навстречу, предлагая всевозможные варианты и открываясь с разных сторон: то играя оттенками потертой древесины или выцветшей краски на полуденном солнце, то поражая палитрой ярких бликов, пляшущих на поверхности стен в закатных лучах.

Дом дышал, дом жил, и он словно рассказывал мне свою историю, а я просто слушала. И явственно ощущала при этом его энергетику: положительную, уютную, согревающую. Он словно соглашался со мной, что пришло его время меняться, пришла пора засиять новыми красками и впустить в свои стены свежий ветер.

Вот уже несколько дней я жила здесь.

Днем бродила по дому, разбирала завалы, изучала помещения, гуляла по саду и делала зарисовки для будущего проекта, а вечером приезжал Вик, и мы выезжали в город. Меня не тянуло в шумные заведения и пафосные бары, да он и не настаивал. Мы просто бродили по городу, держась за руки, и каждый раз открывали для себя в столице что-то новое: узкие проулки, старинные здания, маленькие парки, тихие дворики.

Я все больше и больше убеждалась, что поступила правильно, уехав из родного городка. Вик стал для меня не только поддержкой и опорой, он каждый новый день заставлял меня жить. Не думать о прошлом, не страдать от того, что не смогла помочь маме, не винить себя, а просто жить и верить в светлое будущее. Мы с ним сближались, и меня это больше не пугало.

Я знала, что однажды наступит тот день, когда Вик останется со мной в доме. Мы точно так же, как и вчера, постелим плед на полу в гостиной, поужинаем, посмеемся, а потом он скажет, что устал и никуда не уйдет. И мы поднимемся вместе в спальню, а потом... Да, пожалуй, я была почти готова к этому.

– Алло! – Я вышла из душа и успела только намотать полотенце на волосы.

– Доброе утро. – Его мягкий бархатистый голос ласкал слух.

– Доброе, – улыбнулась я. Прошла босиком к кровати, оставив на полу мокрые следы. – Ты приедешь на завтрак? – Надела трусики, неуклюже натянула на бедра юбку. – Я тут похозяйничала на кухне, разобралась, как работает духовка, испекла пирог.

– С утра? – удивился Вик.

– Просто очень захотелось! – рассмеялась я.

– Прости, Польша, наверное, сейчас не смогу. Марк не смог поехать на встречу с поставщиками, придется мне туда сгонять.

– Жаль, – с сожалением произнесла я.

С кухни все еще поднимался ароматный запах картошки и мяса.

– Я приеду после обеда, хорошо? Не слопай там все без меня.

– Постараюсь.

– Ты составила список?

– Да. Для начала включила в него необходимый минимум. Ой! – Я подхватила с кровати майку, быстро продела ее через голову, спустила к талии, поправила и села на кровать. Привезенный Виком ноутбук был включен, и на экране как раз отражался список необходимых вещей. – Впишу еще наждачную бумагу. Знаешь, тут стоит старый секретер, и меня к нему тянет, как магнитом! Я уже почти придумала, как его обновить, и даже готова отложить ради этого другие дела.

– Это мамин любимый, – с теплом сказал Вик.

– Ой, а тогда, может, мне его не стоит трогать?

– Думаю, мама была бы только рада, если бы он зажил новой жизнью.

– Хорошо, – обрадовалась я. – Вообще-то я не собиралась менять его радикально, так что не переживай.

– Единственное, о чем я переживаю, что ты заскучаешь там одна.

– Глупости! – Я сохранила список и отправила его Вику по электронной почте. – Здесь так светло и тепло. Я бы тоже мечтала родиться и вырасти в таком замечательном месте. – Подставила лицо ярким лучам, врывающимся в комнату через окно. – Это просто дом солнца, Вик!

– Я рад, что тебе комфортно.

– Получил список? Проверь, я отправила.

– Сейчас. – Послышался шум. – Да, получил. Давай сделаем так: я сейчас отдам его дяде Саше, он заедет, купит все и привезет тебе.

– Хорошо! Только пусть обратит внимание на артикулы и названия материалов. Там трудно ошибиться, но в следующий раз я постараюсь поехать и все проконтролировать сама.

– Ты уже закончила проект?

– Почти. – Я улыбнулась, глядя на экран компьютера. – Кое-что подправлю и презентую тебе его сегодня. И там уже решим, что и как по поводу возможных вариантов, объемов и рабочей силы.

– Не терпится уже посмотреть.

– Так приезжай!

– Как только, так сразу.

– Жду.

Мы попрощались, и я закрыла ноутбук. Снова перебрала свои наброски, покрутила их перед собой, представляя, что и как будет смотреться лучше.

– Жаль, что ты не видишь, мама, – вслух сказала я. – Кажется, я в самом прекрасном месте на земле.

Сложила наброски, вышла из комнаты и направилась вниз, в кухню. Половицы мягко поскрипывали под моими ступнями, солнечные зайчики бегали по еще влажной коже и прилипшей к телу майке.

Признаться честно, я немного выпала из времени и жизни. Мне больше не нужно было крутиться на двух работах и возле постели матери, и это было очень непривычно. Я могла бы сейчас идти по этому дому и представлять, что он мой навсегда. Что я в нем не гостья, а хозяйка.

И эта фантазия могла стать реальностью, стоило только захотеть. Но... смогу ли я принять то, что готов дать мне Виктор? Стоит ли мне отрешиться от грустного прошлого и войти в новое сытое, обеспеченное будущее? Заслужила ли я его?

Я спустилась по ступеням, прошла через гостиную и направилась в кухню, как вдруг ощутила чье-то присутствие. И взгляд. Тяжелый, исподлобья, болезненный. Остановилась резко, будто в стену врезалась. Обернулась, и меня тут же прошло уже знакомым, парализующим страхом.

Марк стоял, навалившись на стену, и со злобной ухмылкой смотрел на меня.

– Ч-что вы... ты... здесь делаете? – выдавила я, боязливо оглядываясь по сторонам.

Моя спина будто заледенела, в груди царапнуло нехорошим предчувствием.

– А ты? – усмехнулся он, делая шаг навстречу.

В доме стояла абсолютная тишина.

Мы были здесь только вдвоем, и никто не мог сейчас мне помочь.

Марк

Эта девица не ожидала меня здесь увидеть. Думала, что все просчитала и качественно опутала наивного Вика своими сетями. Явно чувствовала себя здесь хозяйкой: уже уверенно передвигалась по дому и даже стряпала хреновы пироги – дрянь!

Но мне понравилась ее первая реакция. Я увидел настоящую панику в ее распахнутых глазах, и мои внутренние демоны сразу же ощерились в ожидании легкой добычи, обнажили свои клыки и приготовились к броску.

– Что... вы... ты... – начала заикаться девчонка, бледнея.

И я вдруг понял, почему она все эти дни не выходила у меня из головы, почему снилась, почему преследовала меня, точно наваждение. Эти ее огромные глаза, этот невинный взгляд – стоило мне увидеть их снова, и у меня тут же встал. В паху болезненно заныло от напряжения.

Я почувствовал предвкушение, ощутил давно забытый азарт.

Как же все-таки умело она строила из себя овцу! Все эти ее ужимки, этот испуг – все так естественно, что можно купиться, как купился и Вик.

Но я-то знал все эти дешевые приемчики: сначала они строят из себя недотрог, а потом похотливо извиваются у тебя в руках и с удовольствием отдаются в любых позах только ради того, чтобы считаться твоей девушкой. Впрочем, этого никому прежде не удавалось – никаких официальных подружек у меня отродясь не водилось.

– А ты? – ухмыльнулся я, делая шаг вперед и наслаждаясь тем смятием и страхом, которые отразились в этот момент на ее лице.

Я возбуждился.

Даже не от вида ее острых, твердых сосков под полупрозрачной тканью, а от одного взгляда на хрупкие плечи, на тонкие линии выступающих над вырезом майки ключиц. От вида румянца на ее бледных щеках и приоткрытого рта с губами цвета спелой малины.

Мне захотелось подойти и сорвать с нее этот ненужный тюрбан из полотенца и посмотреть, как она будет реагировать. Мне захотелось трогать ее, мять, делать ей больно и наблюдать, что с ней происходит.

Захотелось разломать ее на части, чтобы увидеть внутренности, а затем собрать, будто пазл. Взять за шею, прижать к стене и заставить признаться, ради чего она разыгрывает этот спектакль со святой деревенской простотой.

– Виктора сейчас нет, он будет позже. – Полина нервно прикрыла руками грудь. – Я передам, что ты приходил.

– Вик мне не нужен, – улыбнулся я, медленно приближаясь к ней.

У меня участился пульс, сердце забилося невыносимо быстро.

Я пожирал взглядом ее кукольные губки, эти ее нелепые веснушки на скулах, ее длинные, пушистые ресницы, трепещущие, словно крылья диковинной бабочки. Мне захотелось вобрать в себя весь ее страх и напиться им досыта.

– Что тебе нужно? – Голос девчонки прозвучал хрипло, и это окончательно сорвало мои тормоза.

Внутри словно щелкнул какой-то тумблер. Щелк, и я потерял чувство реальности, стерлись все границы дозволенного.

– Догадайся, – усмехнулся я.

– Не нужно на меня так смотреть... – Она плотнее закрылась от меня руками, но я все же видел маленький аккуратный сосок, торчащий из-под тонкой ткани майки.

Я представил, как сжимаю ее грудь, и девчонка охает от боли и закатывает глаза.

– Мы ведь взрослые люди, Полина. – Я нахмурил брови. – Просто скажи, сколько стоят твои услуги, и сделай мне приятно.

– Услуги? – В ее взгляде сначала промелькнула растерянность, затем глаза округлились. – Да как ты смеешь?! – Она размахнулась.

Я перехватил ее маленькую ладошку буквально в сантиметрах от своего лица и больно сдавил запястье.

– Ай, – согнулась она, вынужденно склоняясь передо мной. – Отпусти!

Девчонка ударила меня в грудь свободной рукой. Я даже удивился – такая малышка, а бьет так сильно.

– Может, для начала угостишь меня кофе? – Я сжал пальцы на ее запястье еще крепче. – Ты ведь возомнила себя хозяйкой этого дома, да, маленькая шлюшка?

В ту же секунду эта стерва превратилась в шипящую, извивающуюся кошку, которая отчаянно пыталась вырваться. Я перехватил ее второе запястье, и теперь она стала пинаться.

– Эй! – Пришлось отшвырнуть ее на кресло.

– Урод! Ублюдок! Я позову на помощь! – стала чертыхаться она.

Вскочила на ноги и стала пятиться в кухню. Я медленно направился за ней.

– Зови, – рассмеялся я, заметив слезы на ее дрожащих ресницах. – Полина, зови. Можешь звать громко, все равно тут тебя никто не услышит. Давай, кричи!

Мне нравилось это имя. По-ли-на. Оно звучало так же невинно, как эта робость в ее лице. Жаль только, та была фальшивой.

– Не подходи! – воинственно выкрикнула девчонка, оглядываясь по сторонам и продолжая пятиться.

Тюрбан развязался, и по ее плечам рассыпались влажные спутанные пряди. Полотенце свалилось к ее ногам, и мое сердце пропустило сразу пару ударов. Желание ощутить кончиками пальцев влагу ее волос стало практически нестерпимым.

– Стой, не подходи! – истерично выкрикнула она.

В этой шлюшке не было, пожалуй, совершенно ничего особенного, но мне нравилось, как она смотрела на меня – с ненавистью, с яростью. Это заводило меня еще сильнее.

– Так сколько, Полина? Не стесняйся, называй свою цену.

– Пошел ты!

– Ты можешь сколько угодно вешать на себя эти фальшивые улыбки при Вите, но я-то вижу тебя насквозь.

– Ты сумасшедший придурок... – она уже нащупывала на столешнице что потяжелее, чем можно было бы посильнее ударить, но ничего подходящего не попадалось.

– Полина...

Меня раздражало ее желание до последнего гнуть свою линию и строить из себя недотрогу.

– Оставь меня в покое!

– Я сразу понял, что ты не так проста. – Я подошел вплотную и вжал ее своей грудью в один из ящиков гарнитура. – Ты ведь не так проста, да, Полина?

– Отойди... – хрипло проговорила она, глядя на меня снизу вверх, точно загнанный в ловушку зверь.

Ее грудь под влажной майкой поднималась высоко на вдохе, а плечи ходили ходуном от страха. Мне нравилось, как ее частое дыхание обжигало мое лицо. Я склонился еще ниже.

– Все вы одинаковые, да, Полина?

Девчонка вздрогнула, и мой член дернулся, реагируя на соприкосновение с ее бедром. Мы стояли вплотную, точно пришитые друг к другу. Воздух между нами буквально трещал от электричества. Я шумно втягивал носом запах шампуня с мокрых прядей ее волос и ощущал покалывание в кончиках пальцев.

– Пожалуйста, уйди, – всхлипнула она.

– Член с баблом вам покажи, и вы бежите, готовые присосаться. – Я улыбался, видя, как ее глаза наливаются слезами. – Вик для тебя тоже член с баблом, да, Полина? Вывез тебя из твоего Гадюкина, придел, а дальше что? Думаешь, женится на тебе? – Я рассмеялся. Девчонка смотрела в мои глаза, не шевелясь, а я наслаждался тем, что могу рассмотреть каждую венку, каждый сосудик под ее белой бархатной кожей. Я ощущал, как трясутся ее поджилки, и наслаждался этой едва ощутимой вибрацией. – На шлюхах не женятся, дорогуша.

Толчок! Эта тварь посмела толкнуть меня и тут же поплатилась.

– Не-е-ет... – усмехнулся я, обхватывая ее хрупкое личико своей ладонью и сильно сдавливая. Мой пульс забился где-то в горле, когда я ощутил, как ее напряженные соски уперлись мне в грудь. – Нет, тебе меня не обмануть. Кого угодно, но только не меня.

И тут что-то помутилось в моем сознании.

То ли разозлился, увидев отчаяние в ее глубоких, полных волнения янтарных глазах, то ли повелся на беззащитность, которая пропастью раскинулась в ее расширенных от страха зрачках, но я вцепился своими губами в ее губы, точно голодный хищник, и принялся неистово их терзать.

Ее рот был сладким, а губы влажными. Я обхватил напряженные бедра девушки пальцами и притянул их, буквально вдавливая в себя и в свой напряженный пульсирующий пах. Сжал сильнее, чтобы причинить ей еще больше боли, и с силой протолкнул свой язык ей в рот, не давая вдохнуть.

Это была настоящая схватка.

Всхлипнув, девчонка попыталась меня оттолкнуть. Наши языки сплелись, мои зубы натолкнулись на ее зубы. Я смял ее бедра своими ладонями, крепко стиснул, и мой язык сделал то же самое – взял ее рот силой.

Началась какая-то дикая борьба: жалящие поцелуи, укусы, жадные вдохи, всхлипы, привкус крови на языках, болезненные удары по всему моему телу.

Я чувствовал, как ее ладошки колотятся мне в грудь, как смело пытаются оттолкнуть, как замирают на мгновение, а затем колотят снова и снова, и меня трясло от все нарастающего возбуждения.

Мне хотелось кончить, и чтобы кончила она. Чтобы перестала отталкивать меня и закатила глаза, кончая. Хотелось слышать, как она стонет подо мной, как кусает свои красивые пухлые губы, впиваясь в меня ногтями, и как сильнее обхватывает мою талию своими стройными ногами.

Мне захотелось, чтобы она больше не сопротивлялась. Чтобы сама просила меня трахнуть ее. Хотелось втоптать ее в грязь, разрушить, раздавить меж пальцев, превратить в сухую пыль, а затем стряхнуть с себя, и одновременно хотелось отпустить ее и тихо сказать, что не причиню ей больше вреда. Мой мозг вскипал от такого количества разных мыслей.

Я оторвался от нее, взглянул в глаза, отвернул голову и с отвращением сплюнул на пол.

Мне никогда прежде не хотелось целовать ни одну из мерзких шлюх, которые были со мной в постели. Я не касался губами ни одной из них и потому не понимал, что же вдруг изменилось сейчас? Почему мне больше всего хотелось продолжать эту схватку? Почему хотелось целовать ее до бессильной злобы? Почему хотелось, чтобы она и сама желала этого?

– Большой козел! Скотина! – закричала девица, вырываясь.

По ее щекам вниз, к подбородку, пролегли влажные полосы, и я понял, что за соленый привкус остался у меня на языке – это были ее слезы.

– Убирайся! – завопила она как ненормальная, толкая меня в грудь.

Никто не смотрел на меня с таким презрением, с такой ненавистью, как она, а я думал только о болезненном стояке, который грозился сейчас разорвать мою ширинку.

Мне дико хотелось продолжения.

– Я все узнаю о тебе, Полина, – пообещал я. – Я узнаю, кто ты такая на самом деле, зачем приехала сюда и что скрываешь.

Отпустил ее и отступил на шаг назад.

– Иди к черту, – прошипела она.

И в этот момент я понял по ее испуганным глазам, что нащупал нечто важное. Мои слова явно попали в цель. Этой Полине было что скрывать.

Он ушел, а я, дрожа от ужаса, рванула к двери. Заперла ее на засов, подергала и бросилась проверять заднюю дверь. Меня так лихорадило, что я с трудом смогла удержать в руке сотовый телефон: нашла номер Вика, нажала, но тут же сбросила и разревелась, поняв, что не смогу ничего сказать.

Я вообще не могла произнести сейчас ничего членораздельного. Села на пол и закрыла ладонями лицо. Губы продолжали пылать, щеки неприятно саднило.

Почему я? Что нужно от меня этому чудовищу?

Мне захотелось уснуть и проснуться уже в другом месте. А еще лучше в другое время – когда мама была жива. До того, как я пошла работать в чертову гостиницу и встретила там Вика. Мы бы с ней справились, обязательно бы справились. Пережили бы все это как-нибудь, мы бы...

Из меня посыпались рыдания.

Я вскочила и подбежала к раковине. Думала, сейчас вырвет, но внутренности продолжали сжиматься и разжиматься, пропуская наружу лишь короткие, квакающие всхлипы.

Я – дура, наивная дура, идиотка! Думала, что теперь все будет по-другому, что у меня есть шанс вырваться из темноты и нищеты, что рядом с Виком мне будет спокойно. Но это не так. Он не сможет защитить меня от чудовища, глядя в лицо которому, он видит не опасность, а близкого человека.

Я включила воду и стала умываться. Мне хотелось смыть с себя вкус грубых поцелуев, запах кожи Загорского, аромат его горького парфюма, хотелось смыть давящее ощущение его пальцев на моем теле. Я плескала на себя водой снова и снова, терла кожу до боли и громко рыдала.

Но все было бесполезно.

Можно было смыть с себя любые запахи, но этот страшный черный взгляд уже забрался мне глубоко под кожу и не собирался исчезать. Похоже, у Загорского было достаточно денег и женщин, и Марк никогда не знал отказов, но вести себя так с девушкой собственного друга...

Я с размаху ударила по крану, и напор воды оборвался. Наклонилась на раковину и стиснула зубы. «Нужно позвонить Вику, нужно ему позвонить». Но я не могла. С диким воем ударила ладонью по столешнице и скривилась от боли.

– Скотина! Тварь!

Внутри меня снова и снова показывали плохое кино, в котором Марк сначала швырял меня на кресло, а затем, прижимая своим телом к гарнитуру, стискивал пальцами мои бедра и больно вгрызался в мои губы. Я видела похоть в его взгляде – дикую, необузданную, темную похоть, и чувствовала полную необратимость. Я ощущала ее еще с того момента, как обнаружила его в гостинной.

Загорский не даст мне спокойной жизни, он не отстанет от меня. «Не будет никакого счастливого билета, мама, мне нужно бежать отсюда». Я метнулась по лестнице вверх, вбежала в комнату и стала бросать в сумку свои вещи. «Где сумка, где документы? Где...» У меня закружилась голова.

Я бросила сумку и медленно опустилась на кровать. Маленькая голодная девочка во мне не хотела уходить из дома, в котором так тепло, уютно и пахнет пирогом. Измотанная тяжелой работой, запахом хлорки в больничных туалетах, мозолями на руках и пропитавшаяся насквозь черной плесенью ветхого барака, она очень хотела использовать этот шанс на новую, сытую жизнь.

И дело было даже не в том, что Вик был самым прекрасным и приятным человеком на земле, а в банальной усталости от мытарств и лишений. Это было подло и гадко, но мне не хотелось возвращаться обратно в пыльный и серый городок без дорог, солнца и перспектив. Не хотелось обратно к исходной точке – той, что по-прежнему находилась в покосившемся доме с прогнившими полами, на которых стоял старый шкаф с лежащими в нем штопаными колготками.

Мне просто нужно было обо всем этом забыть.

– Вить, приходил твой друг, – сказала я дрожащим голосом и мертвой хваткой вцепилась в телефон, чтобы просто не выронить его из рук.

– Да, Поль, я знаю, – бодро ответил он. – Марк уже сказал, что заезжал.

– Вить, он...

– Да, я с ним согласен по поводу охранной системы, Поль. Действительно, дом находится на некотором отдалении от поселка, поэтому стоит обзавестись сигнализацией и видеонаблюдением. Ты там часто находишься одна, вдруг, не дай бог, какие незваные гости – тут Марк прав.

Я откинулась на подушки и закрыла глаза. «Незваные гости» – мое лицо скривила улыбка. Я должна была рассказать Вику о том, что этот гость делал со мной, пока его не было, но почему-то не могла.

В голове эхом разносились угрозы Марка, а перед глазами кружились картинки, в которых я снова и снова умирала от страха, а он смотрел на меня, как паук на попавшую в его паутину муху. Знала, что стоит пошевелиться, и увязнешь еще сильнее, поэтому глядела на него и не дышала, ощущая, как по коже разносится холодная зыбь мурашек.

– Когда ты приедешь, Вить?

– Как только освобожусь. А что с твоим голосом? Все в порядке?

В темном омуте моих мыслей чудовище продолжало до синяков тискать мои ягодицы, терзать бедра: его пальцы забирались под юбку, мяти кожу, царапали.

Чудовище жадно заглядывало мне в лицо, ловило оттенки каждой эмоции и наслаждалось ужасом, который я испытывала. Оно знало, что вместе с его взглядом в меня впивались сотни раскаленных игл, от которых голову охватывал туман, мешающий видеть и заставляющий тяжелеть веки.

– Все хорошо, – ответила я и улыбнулась, стирая с щеки слезу. – Я просто... тебя жду.

– Я уж подумал, что у вас с Марком опять случился конфликт.

– Он... неприятный, да.

– Ты еще слишком мягко говоришь о нем! – рассмеялся Виктор. – Но он обещал мне, что будет стараться сдерживаться.

– Точно, – тихо проговорила я.

– И все же мне не нравится твой голос, – встревожился он. – Что-то случилось? Мне стоит поговорить с Марком?

– Просто приезжай, как сможешь, я тебя жду.

– Хорошо.

Слезы уже высохли, отек с лица спал, когда я вышла в сад, чтобы наметить линии новых клумб. Как раз в тот момент, когда я замеряла площадь будущего газона, чтобы высчитать количество рулонов с травяным покрытием, на подъездной дорожке послышался шум двигателя и шелест шин.

Я выпрямилась и приложила ладонь ко лбу, сделав «козырек» от солнца. К дому подъехал старенький черный Prado.

– Полина? – Из него вышел статный мужчина лет пятидесяти или чуть старше.

Он протянул мне руку. Одет незнакомец был в деловой костюм, хотя и создавал впечатление человека, скорее привычного к физическому труду, нежели к работе в офисе. Его ладонь была тяжелой, сухой и мозолистой.

– Здравствуйте, – неловко улыбнулась я, сняла перчатку и пожала его руку.

Мужчина улыбнулся в ответ и сразу расположил меня к себе. Его улыбка была дружелюбной и теплой, а синие глаза лучились светом.

– Александр Федорович, – представился он, отпуская мою ладонь.

– Ох, так вы тот самый дядя Вика? – смутилась я.

Мне стало неловко, что я встречаю мужчину в мятой одежде, огромных сапогах и резиновых перчатках.

– Да. – Он провел рукой по темно-каштановым с проседью волосам. – А вы та самая Полина, о которой мой племянник болтает без умолку?

Мои щеки зарделись.

– Наверное...

– Да не смущайтесь, я рад, что у этого балбеса наконец-то появилась девушка.

– А почему балбеса? – спросила я.

– Ну, как? – усмехнулся он. – В наше время в его возрасте все ребята уже обзаводились семьями – так мне Андрей говорил, мой брат. Тоже балбесом меня обзывал. Все предупреждал, что если до сорока не женюсь, то потом точно не получится. И ведь накаркал, подлец! – Мужчина изменился в лице. – Царство ему небесное... Хорошо хоть сына после себя оставил... – Он откашлялся. – Простите, Полина. Я очень рад, что домом хоть кто-то занялся. Давно ведь пора.

– Да, дом очень большой и красивый. – Я обвела взглядом фасад. – Надеюсь, у меня получится привести его в порядок.

– Конечно, получится! – улыбнулся он и открыл багажник. – Куда выгружать коробки?

8

Полина

Розы. Темно-красные. Их лепестки гладкие и холодные. Они касаются кончика моего носа, и мне становится щекотно. Я улыбаюсь, потому что не знаю, что это последний подарок Вика. Больше не будет. Ни подарков, ни совместных дней, ни

разговоров, ни его самого. Не будет ничего, все в прошлом, а теперь передо мной лишь пустота. Пропась.

И розы.

Я лечу в эту пропасть и снова слышу глухие, отрывистые звуки выстрелов, они как кашель немой собаки – практически беззвучные, но такие болезненные. Я падаю, пытаюсь хвататься за воздух, но пальцы нащупывают лишь бархатные лепестки роз. Задыхаясь, я ощущаю, как маленький толчок в грудь превращается в огромный ржавый лом, который ковыряет и раздирает мою грудную клетку изнутри.

Кажется, это боль. Она захватывает меня полностью, она терзает, уничтожает, вгрызается в меня и точит, точит, точит. «Кто-нибудь, достаньте, пожалуйста, из меня эти кусочки металла, они очень тяжелые, и я не могу пошевелиться из-за них!»

Вышитое одеяльце мелькает белой пеленой перед моими глазами – раз, и его нет. Крик моего сына удаляется, а застывшая голограмма с руками, которые отбирают мое дитя, упрямо стоит в воздухе. «Не трогай! Оставь его! Он мой!» – все эти слова так и не слетают с моих губ. Они остаются безмолвным криком, тихим шепотом, запекшейся кровью, горячей на лице.

Я падаю вниз.

Горечь, тяжесть, боль, удары, земля, песок, камни, ветви. Темнота. Мутные обрывки посмертных видений – кроме них у меня ничего нет, поэтому я продолжаю прокручивать их снова и снова, чтобы не видеть яркий свет в конце коридора, который манит и зовет меня: «Полина, иди сюда, здесь хорошо. Твое время пришло».

Я узнаю этот голос, и мне становится еще больнее.

– Нет, – с трудом выдавливаю я, – нет, мама, прости. Я не пойду, я не могу. У меня сын!

Она тянет ко мне руки, а я отворачиваюсь. «Боль, удары, земля, песок, камни, ветви», – прокручиваю снова и снова, чтобы оставаться там, где умерла. И вижу крохотные пальчики Ярослава, которые держат меня во сне.

Он совсем беспомощный пока. Он без меня не сможет.

Кто будет кормить его? Кто будет качать его, мама? Кто будет рядом, когда ему будет больно и страшно? Кто успокоит? Кто научит ходить, отведет в детский сад, потом в школу? Кто будет плакать от счастья на его свадьбе, мама? Нет, мне нельзя к тебе, я не пойду...

Я разворачиваюсь и бегу туда, где тьма, подальше от этого уютного, ласкового света. Чернота становится непроглядной, вязкой и густой, каждое движение дается мне с трудом. Дорога все уже, и теперь она поднимается вверх. Я плачу, карабкаюсь, сдираю колени и руки, но не сдаюсь. Мне нужно в самую глубокую тьму – туда, откуда выхода нет.

– Все хорошо, Полина. – Этот голос буквально выдирает меня из пустоты.

Я делаю глубокий вдох и кашляю, но горло настолько высохло, что получается бессильный, горький хрип.

– Тише, тише, лежи.

Я часто моргаю, но сквозь пелену слез не могу разглядеть помещения. Здесь очень светло, рядом какие-то люди. Я пытаюсь что-то сказать, но понимаю, что на мне какая-то маска или... что это? Почему не получается пошевелить руками? Я замкнута в своем теле, заперта в собственных кошмарах, тело совсем ничего не чувствует.

Где я?!

Но пустота забирает меня.

Нет больше коридоров с тьмой и светом, нет мамы, нет голосов. Есть один бесконечный берег реки, вдоль которой я бреду, завернувшись в какую-то

простыню. Мои ноги не оставляют следов на песке, меня не тревожит холодный ветер, что дует в лицо, от него даже не колышутся мои белые одежды-коконы.

Я есть, но меня нет. Я бестелесное существо, что путешествует по миру, а этот длинный берег – лишь картинка, нарисованная моим воображением.

Я закрываю веки, вновь открываю их и вижу дом. Он пуст. Я исследую все комнаты, но в них никого. Только вещи Вика, мои вещи и стопки детских вещей на пеленальном столике в детской. Они ждут нашего возвращения, но не дождутся.

Я касаюсь мягких распашонок и крохотных боди своей ладонью, но почти ничего не чувствую. Оборванка из провинциального городка так сильно хотела иметь свой собственный дом, в котором было бы тепло и пахло бы пирогами, что забыла о том, что ничего не дается нам просто так. Мое счастье было коротким, и мне пришлось дорого за него заплатить.

Я напрягаю ладонь с безумным желанием почувствовать хоть что-то, толкаю колыбель снова и снова в надежде, что она качнется, я пою своему малышу, моля, чтобы он услышал меня, где бы он ни был. Пою, пою, пою...

И закашливаюсь, вытаскивая себя из сна. Снова эта комната, здесь так светло, что слепит глаза. Зажмуриваюсь, открываю веки снова.

– Тихо, тихо, не дергайся. – Чья-то сильная рука сжимает мою ладонь. – Лежи спокойно, девочка. Все хорошо.

Но у меня есть и вторая рука. Я с усилием поднимаю ее и подношу к лицу.

– Поля!

Он перехватывает ее, но я успеваю нащупать что-то грубое, шершавое на своей щеке. Не понимаю, что это могло бы быть. Мои глаза отчаянно вертятся, скользя по стенам комнаты. Наконец останавливаются на его лице и пытаются сфокусироваться.

– Тише, Поль, все хорошо, ты в безопасном месте.

Я пытаюсь издать звук, но выходит лишь бульканье.

– Не торопись, не все сразу, – предупреждает Александр Федорович.

– Он нас убил! Убил! – хриплю я.

– Ты жива, девочка, ты жива, – кивает он.

И я успокаиваюсь.

Не знаю, сколько проходит времени прежде, чем меня снова будят их голоса. Я не сразу понимаю, что обращаются ко мне.

– Это Анатолий... – отчество съедает шум в моих ушах. – Мой хороший друг, он полевой хирург...

Вступает незнакомый голос, и я вижу над собой высокого, худого пожилого мужчину в медицинской маске. Он что-то говорит про пули, извлеченные из моего тела.

– Сейчас у вас лихорадка, но мы ждем, когда подействуют лекарства. – Он наклоняется ниже, и я определенно вижу его четче. – Зрение в норме, – сухо констатирует этот Анатолий. – Не пугайтесь, сейчас у вас на лице бинты. Дело в том, что лицевая и носовая кости частично раздроблены, задеты кости черепа.

Мои руки инстинктивно вздымаются вверх, но дядя Саша перехватывает их. Тощий хирург недовольно морщится.

– Как раньше выглядеть, к сожалению, не получится, – говорит он. – Нужны хорошие специалисты, которые сделают вам пластику, но это уже не ко мне. Вам и так очень повезло выжить, так что будьте благодарны хотя бы за это.

– Пластика? – каркаю я.

Мне очень хочется потрогать свои нос и щеки.

– Новое лицо – новый человек, – хмурится доктор. Мне почему-то кажется, что там, под маской, он пытается мне улыбнуться. – На воссоздание облика и восстановление уйдет несколько месяцев, но у вас сильный, молодой организм, думаю, вы справитесь.

– Спасибо, – благодарит за меня дядя Саша.

Он жмет ему руку.

Мое сердце бьется как сумасшедшее, виски давит скрипучей болью, горло саднит, но я упрямо жду, когда медик покинет помещение.

– Все хорошо, Поля, скоро я заберу тебя домой, – шепчет Александр Федорович, когда хлопает дверь.

У меня нет никакого дома, о чем он?

– Куда? – спрашиваю я.

– К себе, Поля, к себе. Никто не должен знать, что ты жива.

– Никто не знает?

– Нет. – Он мотает головой.

Я пытаюсь приподняться, но резкая боль укладывает меня обратно. Все правильно: если бы кто-то знал, что я выжила, то за мной давно бы пришли.

– Где мой ребенок? – задаю самый главный вопрос.

Но дядя Саша меня будто не слышит.

– Я ехал следом, увидел, как машина рухнула с обрыва. Затаился за деревьями, там была такая суматоха, потом взрыв. Я хотел бежать, но вдруг мне показалось, что что-то шевелится внизу, на уступе. Осторожно спустился и

обнаружил тебя. Тебе очень повезло, Поля, что ты зацепилась одеждой за камни.

– Где Ярослав?

Александр Федорович вздыхает.

– Он у него. Марк никого к нему не подпускает. Сказал мне: «Не лезь, старик, не в свое дело, если хочешь жить». Потому я и не повез тебя в больницу, Поля. Я и в морге договорился, я им заплатил. Он не должен знать, что ты жива, иначе сама знаешь... – Мужчина виновато отвел взгляд. – Полина умерла, и пусть это так и остается. Вчера он скорбел на ваших похоронах, сегодня уже переехал в ваш дом.

– В наш дом? – Я почти ничего больше не вижу от слез. – А разве наследовать его должны не вы и Ярослав? Разве не вам должны были отдать ребенка?

– Таким, как Загорский, закон не писан. Да что я тебе объясняю? Явись я туда с любым намерением, и некому было бы тебя выхаживать, Полечка.

Я молчу, пытаюсь переварить услышанное. Меня больше нет, я мертва. Истерзана. Но беспокоят меня больше не те шрамы, что на лице, а те, что на сердце. Единственное, что не дает мне умереть окончательно, это мысли о моем ребенке. Я должна встать на ноги, прийти и забрать его.

– Мы со всем справимся, Полечка, мы что-нибудь придумаем, – причитает дядя Саша. – Ты только держись...

– Молокоотсос, – обрываю его я, открывая опухшие веки.

– Что? – не понимает мужчина.

– Раздобудь мне молокоотсос. Срочно. Я сама буду кормить своего сына.

– Поль, ты что такое говоришь? – затрясся он. – У тебя самые сложные операции были, а сколько еще предстоит. Ты не в состоянии, у тебя уже нет никакого молока, ты его уже потеряла, не нужно себя истязать! Пожалуйста! Ты не

должна думать сейчас об этом...

– Принеси мне его, – твердо говорю я.

Когда умирает тот, кого ты знаешь, остаются воспоминания: голос, запах, ваши разговоры, его любимые занятия.

Когда у тебя отнимают новорожденного, то ничего этого нет. В памяти остается лишь его плач.

Ты слышишь этот крик, и у тебя неосознанно срабатывает инстинкт.

9

Полина

– Мне понравился твой дядя, – сказала я.

Мы сидели за столом в просторной кухне друг напротив друга. Вик ел пирог, закатав до локтя рукава рубашки, а я воображала, что буду встречать его с работы вот так каждый вечер. Интересное, надо признаться, ощущение.

– Он не особо разговорчивый и довольно замкнутый, если честно. По молодости был разгильдяем, потом ушел в армию, стал серьезнее. После службы дядя Саша долгое время работал инструктором по подготовке бойцов элитных подразделений, потом рассчитался и поселился в уединении. Кроме моего отца мало кто находил с ним общий язык. Он – одиночка.

– Поэтому ты его и пригласил работать к себе?

Вик посмотрел на меня и пожал плечами:

– Он толковый, а нам нужен был кто-то, кому можно доверять.

– Я все никак не пойму, а чем именно ты занимаешься?

– Всем, что приносит деньги. Торговля, производство, сдача помещений в аренду. Иногда мы скупаем акции компаний и их долги у кредиторов, чтобы потом через суд получить право на активы.

– А... Разве это законно? – встревожилась я. – Это ведь рейдерство, правильно говорю?

– Конечно, законно, Полин. Никаких силовых методов, все это осталось в девяностых. У нас с Марком все чисто. Да, владельцы компаний не всегда согласны с тем, что управление их капиталами переходит в наши руки, но, если разобраться, без нашего участия их предприятия вряд ли бы выплыли. Недовольных и обиженных хватает, но в целом наше вмешательство я рассматриваю, как помощь их бизнесу. Не нужно использовать хитрые схемы, чтобы обмануть государство, а так, считай, они делают хуже только себе. Используя эти схемы и ошибки в документах, к ним проще подобраться.

– Ты меня пугаешь, Вик.

– Ты чего? – улыбнулся он. – Тебе не о чем переживать. – Он встал, вымыл руки, вытер их полотенцем, подошел сзади, наклонился и обнял меня за плечи. – Я обещаю, что не буду больше рисковать. – Его губы коснулись моей шеи. – К тому же сейчас одно из наших новых предприятий начнет производство уникальных комплектующих, за которыми выстроится очередь из желающих заключить контракт на поставку. Это станет большим рывком для нас.

– Тебе что, недостаточно денег? – Я повернулась и посмотрела на него.

– Мне достаточно, но Марку трудно остановиться. Он чувствует азарт и постоянно бросает вызов самому себе: смогу – не смогу. А мы с ним всегда поддерживаем друг друга. Мы как братья, понимаешь?

Тихий океан его глаз немного успокоил меня.

– Понимаю, – кивнула я.

– Он ревнует меня к тебе, – улыбнулся Вик. – Ни одна девушка никогда не занимала такого важного места в моей жизни. Я знаю Марка сто лет. Уверен, он перебесится и поймет, что наши с тобой отношения никак не отразятся на моей с ним дружбе. Но если он еще будет тебе грубить, обязательно скажи мне, ладно?

– Угу. – Я поцеловала Вика, чтобы не смотреть ему в глаза. – Твой дядя считает Марка озлобленным волчонком. Так он мне сегодня сказал.

– Таким он и был, когда поселился здесь много лет назад.

– Он жил в этом доме?

– Да, около полугода. Поэтому дядя Саша и запомнил его таким. Но Марк изменился. Он вырос, стал увереннее в себе, обрел силу. Ему больше не нужно ничего никому доказывать, не нужно отвоевывать у жизни свой кусок хлеба. Он делает это скорее по инерции.

– Похоже, ты очень дорог ему, – сдержанно сказала я.

Внутри у меня все сжалось.

– Да, – кивнул Вик и оставил на моей шее след от еще одного поцелуя. – И тебя он тоже полюбит, я уверен в этом на сто процентов.

Я сжала его руки и закрыла глаза. Нужно было сказать все прямо сейчас, но у меня не хватало духу.

– Послезавтра мы идем на презентацию нашего нового продукта, Загорский устраивает шикарный банкет. Думаю, это будет отличной возможностью для вас с ним найти общий язык, пообщаться. Как тебе идея?

– Если ты хочешь, я это сделаю, – тихо сказала я.

– Если не хочешь, мы никуда не пойдем. – Вик обнял меня крепче, наклонился и поцеловал в нос.

– Это ведь твоя работа.

– Но я не хочу тебя заставлять. – Он погладил мои плечи. – Если тебе не комфортно...

– Все в порядке, – улыбнулась я.

Встала и нырнула в его объятия, чтобы хоть на миг заглушить жалобный писк внутреннего голоса, призывающего меня бежать куда глаза глядят. Бежать, пока еще не поздно.

* * *

– Ну как? – Я остановилась на нижней ступени лестницы. – Не слишком?

Вик, который за секунду до этого разговаривал с бригадиром строителей, чуть не потерял челюсть.

– Полина... – Он часто заморгал и даже прочистил горло: – Простите, – спешно бросил бригадиру и подошел ко мне. – Полин, это...

– По-моему, слишком открытое, – смутилась я.

Платье, которое мы купили вчера в одном из дизайнерских шоурумов, смущало меня не только ценой, но и откровенностью: нескромное декольте, открытые плечи, чересчур плотное облегание талии и бедер. Все это не слишком способствовало тому, чтобы я чувствовала себя в нем уютно.

– Открытое? – нервно рассмеялся Вик. – Да оно закрывает все самое интересное ровно по границам дозволенного! У меня фантазия сейчас разыгралась так, что стало жарко...

– Перестань меня смущать, – я потупила взгляд и прикрыла плечи прядями волос.

Мне впервые пришлось надеть платье без бюстгальтера – просто потому, что ему не было под ним места! Разве этого не достаточно, чтобы чувствовать себя не в своей тарелке? А тут еще и каблуки – попробуй устоять на таких! Шпилька длинная, тоненькая, острая – оставаться в таких в вертикальном положении уже целое искусство, все равно что ходить по скользкому полу.

– Ты выглядишь божественно, Полин, – взял меня под руку Вик и повел к выходу. – Я уже ревную ко всем мужикам, которые будут сворачивать на тебя свои шеи.

– Глупости, – сказала я.

Но все же поежилась. Меньше всего мне хотелось оказаться сейчас под взглядом одного из них.

– Стой, я не обговорила с бригадой детали начала работ, – спохватилась я уже у машины.

– Не переживай. – Вик открыл мне пассажирскую дверь. – Я обрисовал им фронт работ на этаже, они начнут с того, что вынесут всю мебель из комнат и изолируют окна пленкой.

– Не представляю, как ты мог доверить мне свой дом, – покачала я головой, – если уж сборы на банкет выбили меня из колеи, то что можно ожидать от такого дизайнера?

– Ты возвращаешь душу этому дому, разве может быть что-то важнее? – Он помог мне сесть в машину.

– Ты сильно рискуешь, Вик.

– Я получаю удовольствие от процесса!

До ресторана пришлось добираться больше полутора часов. Я все никак не могла расслабиться и потому едва не сгрызла свой скромненький, без изысков самодельный маникюр. Обкусала все заусенцы, изорвала зубами изнутри щеки,

вспотела.

– Тебе холодно? Жарко? – то и дело интересовался Вик, пытаюсь отрегулировать кондиционер. – Душно?

Не могла же я ему признаться, что ужасно нервничала? И что мечтала бы оказаться сейчас в любом другом месте, только не в ресторане, где будет жуткое чудовище, которое зовется его другом.

Автомобиль остановился у входа, мы вышли, и Вик бросил ключи парковщику. Здание оказалось огромным, оно выглядело поистине помпезно: стеклянные стены, каскадные лестницы, море зелени, хрусталь и позолота в интерьере. Здесь можно было не только отпраздновать какое-нибудь торжество, но с легкостью провести театрализованное представление человек на пятьсот.

– А вот и Марк! – радостно заключил друга в объятия Вик.

Я невольно вздрогнула. Чудовище было в темно-синем костюме с бабочкой, оно благоухало терпким парфюмом, а его волосы и короткая черная борода были идеально уложены.

– Полина, – поспешив высвободиться из его объятий, шагнул ко мне Загорский, – рад приветствовать.

Он взял мою руку и поцеловал. Поцеловал!

Столько желчи и ненависти во взгляде я не видела ни у кого прежде и едва не зажмурилась, когда его губы коснулись моей кожи. Словно ядовитая змея скользнула по тыльной стороне моей ладони.

– Привет, – прошептала я, отдергивая руку.

И тут же вспыхнула, обнаружив, что он бросил взгляд на мое декольте.

– Опаздываете, – пожурил он друга.

Толкнул тяжелую дверь, впустил нас и сам вошел следом.

Тут же на наши головы обрушился шум музыки и голосов. Примерно две сотни гостей уже заняли свои места, и еще несколько десятков слонялись по залу, общаясь друг с другом.

– Наш столик там, у сцены. – Вик подставил мне локоть.

Я с удовольствием взяла его под руку, расправила плечи, и мы пошли через зал.

Огромные зеркала создавали иллюзию еще большего простора в зале, поэтому мне казалось, что я иду по прекрасному дворцу. Взгляды многих присутствующих были направлены на нас, а каменный пол был таким скользким, что мне приходилось четко контролировать каждый свой шаг.

Колонны, напольные вазы, статуи, дорогие материалы – все это поражало воображение. Оттенки водной стихии – белый, голубой, серебро, золото – все это создавало необычные переливы на каменной поверхности, так что казалось, будто мы идем по блестящему на солнце пруду.

– Виктор Андреевич, мы уже начали переживать, – вдруг выросла перед нами какая-то тощая брюнетка с невыразительным лицом и выдающейся грудью, обтянутой вульгарным фиолетовым платьем с широким вырезом.

– Ирина, знакомьтесь, это Полина, моя невеста, – сдержанно сказал он.

У меня пересохло в горле, а брюнетка чуть не выронила папку из рук.

– Здравствуйте, – наконец выдавила она, протягивая мне ладонь.

– Приятно познакомиться, – кивнула я.

А в голове стучало: «Невеста! Невеста?!»

– Пусть начинают, – распорядился Вик.

Он усадил меня за столик, и только после этого брюнетка сообразила, что ей пора бежать куда-то за сцену.

– Кто это? – спросила я.

– Где? – не понял сначала Вик. – А, ты про Ирину? Это наша новая секретарь. Точнее, не наша, а Марка. Не знаю, где он ее откопал. Он их пачками меняет: я не успел еще к старой привыкнуть, а тут уже новая.

– Понятно.

– Прости, я отойду, нужно поздороваться с важными людьми.

Пока официанты разливали напитки, я не отрывала взгляда от Марка и Вика. Сразу было видно, что люди боялись Загорского: общались не столько из уважения, сколько из страха. Они заискивали и смеялись, даже если на их лицах в этот момент было написано пренебрежение.

До меня долетали обрывки деловых разговоров Вика с партнерами, а от Марка слышался лишь смех. Он вел себя распушенно и избалованно, бесцеремонно хватал женщин за любые части тела, а те лишь разыгрывали возмущение, проходя мимо и посылая ему недвусмысленные знаки вроде воздушных поцелуев или подмигиваний.

А вот мужчины – те сразу замолкали, стоило ему лишь открыть рот. Они слушали Загорского точно замороженные: он производил на них эффект оцепенения, внушал им животный страх. Прямая спина, волевой подбородок, хищный, самоуверенный взгляд и выпирающие под тканью рубашки мышцы – все это действовало на них, как взгляд удава на кроликов.

Они кивали, заискивали, невольно пятились назад, если он делал шаг, и смеялись, даже если им было не смешно, в ответ на его шутки. Марк определенно знал, что его считали психом и боялись. Он наслаждался этим. Ощущение неограниченной власти и безграничного влияния на людей возвышало его над всей этой толпой лебезящих псевдообожателей.

– Налей моей девушке шампанского! – обратился к официанту Вик, вернувшись за столик. Он сел рядом со мной и сжал под столом мою ладонь. – Прости, что заставил ждать.

– Все нормально, – улыбнулась я.

Воскресенский познакомил меня по очереди со всеми гостями, что сидели за нашим столиком. Мужчины и женщины старательно улыбались мне, но, если честно, я не запомнила ни их имен, ни рода занятий.

– Кто все эти люди? Ваши партнеры? – шепнула я Вику на ухо.

– Партнеры, сотрудники наших предприятий, чиновники. Есть даже конкуренты.

Официант налил в мой бокал шампанского. Я подняла глаза и заметила, что Загорский сверлит меня взглядом. Нет, даже не сверлит – буквально препарирует заживо. От такого взгляда не просто ощущаешь дискомфорт – чувствуешь себя раздетой на глазах у сотен людей.

– Похоже, тебя тут все уважают, – сказала я, поворачиваясь к Вику.

– Или делают вид, – играя бровями, заметил он. – В большом бизнесе нужно держать лицо даже при плохой игре. – Вик кивнул в сторону Загорского. – Видишь того бородатого толстяка рядом с Марком? Это один из наших поставщиков. Они довольно мило общаются, но он ненавидит Загорского.

– Почему?

– Потому, что вынужден принимать правила его игры. Если он не будет поставлять комплектующие по нашим условиям, то не будет поставлять их никому и никак, он просто разорится.

– Ничего себе.

Мы чокнулись бокалами.

Я продолжала искоса поглядывать на чудовище. Он здоровался с мужчинами, бесцеремонно похлопывал их по плечу или легонько ударял по щеке – будто бы в шутку, и взрослые, уважаемые люди вынуждены были держать при этом лицо и улыбаться, потакая его невоспитанности.

Наконец на сцену вышел ведущий и стал что-то говорить о деятельности фирмы, а я смотрела на брюнетку, которая, покачивая бедрами, подошла к Марку и, судя по языку тела, пригласила его вернуться за столик. Тот по-хозяйски обнял ее за талию и притянул к себе, точно куклу. Девуцу явно устраивал такой расклад, она захихикала, но сопротивляться не стала.

Спустя минуту Загорский извинился перед мужчинами, шлепнул Ирину по заднице и направился к нашему столику. Меня словно обожгло, когда он в очередной раз поймал мой взгляд. Я поспешила отвернуться.

– За тобой поухаживать? – вдруг раздалось за ухом.

Меня словно током прошило. Этот гад наклонился ко мне сзади.

– Нет, спасибо... – я не успела договорить, как он подлил мне шампанского.

– Что-то ты, Воскресенский, так заслушался вступительной речью, что забыл про свою девушку, – усмехнулся он, хлопая его по плечу.

Вик показал ему жестом, чтобы не загораживал вид:

– Ты бы сел на свое место, дамский угодник.

Марк в шутку ударил его в грудь, обошел столик и сел на место. К несчастью, оно оказалось как раз напротив меня.

Я сидела, не в силах поднять взгляд. Кусок в горло не лез, а бокал взять было страшно – тот непременно задрожал бы в моих трясущихся руках.

– Полина, – сказал Загорский, наклоняясь к столу.

Он говорил тихо и спокойно, но тон его голоса действовал на меня, словно оглушительный рык.

Мне стало душно, в лицо бросился жар.

– Да? – спросила я, нехотя поднимая на него глаза.

– Может, расскажешь о себе что-нибудь? А то мы так мало про тебя знаем. – Его ухмылка вызвала во мне давящее ощущение безысходности.

– Например? – Я посмотрела на Вика в поисках защиты, но тот увлеченно слушал речь ведущего.

– Например, чем ты жила до встречи с Витей? – Мужчина понизил голос до вкрадчивого шепота. – Или с кем?

Я напряглась, чувствуя, как холодные мурашки пробираются по моей груди к горлу, но, к счастью, меня спас Воскресенский:

– Марк, идем на сцену, нас приглашают.

Он встал и кивнул другу. Присутствующие зааплодировали.

Загорский нехотя поднялся, и они вместе прошествовали к микрофону.

Я залпом осушила бокал и прижала его к горячей щеке. Вика что-то говорил про новые горизонты, про большую ответственность, перспективы, а я видела лишь чудовище, которое держало меня своим взглядом, точно тисками. Его глаза упирались в меня, будто холодное лезвие ножа в горло, и у меня не было сил даже пошевелиться.

Наконец ему дали слово.

Загорский взял микрофон, и, как по щелчку, на его лице зажглась улыбка. Он шутил, рассказывал истории из жизни и завуалированно бросал угрозы

конкурентам. Настоящий недоделанный мафиози. Меня аж затошнило от его самовлюбленности и презрительного высокомерия.

Над залом громом раздались аплодисменты, и мужчины спустились вниз. Вик сел за столик и наклонился к моему уху:

– Самое сложное позади, теперь можно расслабиться. Ты чего не ешь?

– Я... я тебя ждала.

– Виктор Андреевич, давайте выпьем за ваш успех! – поднялся один из наших соседей по столику.

– Конечно, Роман Георгиевич, – согласился Воскресенский.

– Это большой шаг вперед для нашей компании!

– Да, конечно.

Зазвенели бокалы.

Я осторожно обернулась через плечо. Спустившегося со сцены Загорского атаковали какие-то девицы. Одна повисла на его руке, другая на плече. Ведущий продолжать говорить в микрофон, но никто его уже не слушал, повсюду звенели столовые приборы.

– Позвольте вас поздравить, Виктор Андреевич! – раздавалось со всех сторон.

На Вика сыпались вопросы, пожелания, поздравления. Он терпеливо отвечал каждому, жал всем руки, чокался бокалами.

– Я отойду, – бросила я, поднимаясь из-за стола.

– Угу, – кивнул Вик.

Мне срочно нужно было освежиться.

Скользнув в коридор, я отправилась искать дамскую комнату. Вышагивая среди зеркал, я не уставала удивляться своему отражению: вроде та же провинциальная девчонка, те же длинные локоны, упрямый взгляд, веснушки, но платье и каблуки преображали меня практически до неузнаваемости. А может, я и правда уже не знала, кто я такая и кем теперь стала?

– Подскажите, пожалуйста, – обратилась я к администратору. – А где...

– Дальше по коридору, – указал он.

Наконец я заметила дверь с указателем, толкнула ее от себя и чуть не потеряла равновесие. Кто-то грубо втолкнул меня внутрь и с размаху закрыл дверь. С трудом удержавшись на ногах, я обернулась и отпрянула. Это был Загорский. Его глаза пылали звериной яростью, а лицо кривилось презрительной брезгливостью.

10

Марк

Появление этой дешевки вывело меня из себя. Конечно, я понимал, что Вик притащит ее с собой, но не предполагал, что так остроотреагирую на это. Наверное, все дело было в том, что я теперь знал о ней все, и мои демоны стремились поставить ее на место, унижить, уничтожить. Они хотели сожрать ее живьем.

Эта мразь выпорхнула из машины, будто какая-то королева. Шикарное платье, стройные ноги, матовая кожа без единого изъяна, длинные, шелковые светлые локоны, струящиеся по оголенным плечам. Болезненный стояк, с которым я проживал последние дни, снова напомнил о себе тупой, тянущей болью.

Эта Полина заводила меня, сводила с ума и отчаянно раздражала. Бесила! Наверное, она думала, что прикроется дорогими тряпками и подарками Вика, и никто не поймет, откуда она и чем прежде занималась? Но я по-прежнему видел в ней лишь замарашку, которая удачно вцепилась в обеспеченного мужика и талантливо дурит ему башку.

И я собирался открыть Вику глаза.

Друг подал ей руку, и мне пришлось нацепить маску, чтобы не выйти из себя раньше времени и поприветствовать их. Я даже открыл перед ней дверь, и девчонка, увидев меня, подобралась, точно затравленный зверек. Мне нравилось, что она все понимает, что боится меня.

Полина шла по залу, оглядываясь по сторонам и едва не шарахаясь от вида здешней роскоши. Мадонна среди блудниц, ей-богу! А ведь какая талантливая игра, какое шикарное представление! Жаль, что всего лишь представление. Девчонка умело разыгрывала робость и кротость, и было в этом что-то неувлочно притягательное, отчего у меня учащался пульс.

– Полина, – не выдержал я того, что она намеренно отводила взгляд в сторону, едва мы сели за стол.

Наклонился вперед.

– Да? – Ее голос прозвучал еле слышно.

Большие янтарные глаза испуганно посмотрели на меня. Эта наигранная, фальшивая невинность сбивала меня с толку.

– Может, расскажешь о себе что-нибудь? А то мы так мало про тебя знаем, – решил поиздеваться я.

Мне срочно требовалась ответная реакция от нее. Хоть какая-нибудь. Я должен был видеть ту лживую мразь, которую она так отчаянно прятала от Вика. Мне нужно было продавить ее, сжать сильнее, чтобы заглушить в себе любые человеческие чувства, которые рождались при взгляде на нее.

– Например? – Ее взгляд скользнул по Воскресенскому, но тот был полностью захвачен торжественной речью ведущего.

Вик шел к этой цели слишком долго и упорно не для того, чтобы в момент триумфа пропустить хотя бы одну деталь. Мне же было плевать на все эти пафосные речи и пускание пыли в глаза присутствующих. Мой интерес был прикован исключительно к моей новой игрушке, которая так старательно строила из себя невинную овцу.

– Например, чем ты жила до встречи с Витей? – Мне нравилось заставлять ее нервничать. Я видел, что от моих слов ее бьет током, и получал удовольствие. – Или с кем?

Она побледнела, заерзала на стуле, задышала тяжело, но совсем некстати Воскресенский соскочил с места:

– Марк, идем на сцену, нас приглашают!

Твою мать! Я был так близко.

Так плотно подобрался к тому, что изводило меня эти несколько дней. Эта лживая деревенщина похотливо извивалась в моих руках в каждом моем сне. Я видел ее грудь сквозь прозрачную, влажную ткань майки и видел ее в тонких, изящных кружевах. Я видел ее ладное, хрупкое и такое красивое тело во сне и наяву – в дорогих тряпках, в обносках и абсолютно обнаженным.

Я бредил ею и ничего не мог с собой поделать.

Даже сейчас, глядя на это платье, я видел не ткань, а торчащие твердые соски под его тканью, и мой член бессовестно наливался кровью. Я представлял, как буду вдавливать ее в матрас, как буду хватать ее упругое, стройное тело, как буду видеть ее распахнутые глаза, слышать ее стоны. И мне безумно хотелось замарать эту Полину собой, чтобы она больше не старалась казаться всем такой чистенькой и непо-рочной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sokol_lena/moy-zhelanny-vrag

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)